

ПРОФЕССОРСКИЙ ЖУРНАЛ.

Серия: РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

№ 4(12)/2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.П. Клобукова, д.п.н., профессор,
член-корреспондент РАО, академик МАНПО,
зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Б. Авдеева, д.п.н., профессор, действительный член
Петровской Академии наук и искусств, МАДИ
Э.Г. Азимов, д.п.н., профессор, ГИРЯ имени А.С. Пушкина
Е.Л. Бархударова, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
С.И. Богданов, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАО,
ректор, РГПУ имени А.И. Герцена
Л.Д. Бугаева, д.ф.н., доцент, СПбГУ
А.Н. Варламов, д.ф.н., профессор, ректор,
Литературный институт имени А.М. Горького
Е.Н. Виноградова, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
С.А. Вишняков, д.п.н., профессор, член-корреспондент МАНПО,
зав. кафедрой, МПГУ
В.А. Воропаев, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
М.М. Голубков, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
А.Д. Дейкина, д.п.н., профессор, МПГУ
Л.А. Дунаева, д.п.н., профессор, зам. декана,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.И. Зиновьева, д.ф.н., профессор, СПбГУ
В.Б. Катаев, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель
науки РФ, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
А.В. Коротышев, к.п.н., директор секретариата РОПРЯЛ,
МАПРЯЛ, руководитель Центра социолингвистических
исследований РУДН
В.В. Красных, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Кузьминова, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
О.В. Макарова, к.п.н., преподаватель, МГУ имени М.В. Ломоносова
Ю.Б. Мартыненко, к.ф.н., доцент, МПГУ
Л.В. Московкин, д.п.н., профессор, почетный работник сферы
образования РФ, СПбГУ
Н.В. Поморцева, д.п.н., профессор, декан, РУДН
Т.И. Попова, д.ф.н., профессор, и.о. зав. кафедрой, СПбГУ
И.Н. Сухих, д.ф.н., профессор, СПбГУ
М.Ю. Федосюк, д.ф.н., профессор, МГУ имени Ломоносова
Е.А. Хамраева, д.п.н., профессор, зав. кафедрой, МПГУ,
директор межвузовского центра билингвального
и поликультурного образования, РГПУ имени А.И. Герцена
Е.А. Чернышенко, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Т.В. Шмелева, д.ф.н., профессор, Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого
Д.А. Щукина, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
Санкт-Петербургский горный институт
И.И. Яценко, к.п.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

М.А. Шелякин

Об отношениях предложных и падежных значений
в предложно-падежных формах русского языка..... 2

Л.А. Чижова

Словообразовательные и семантические особенности
русских предлогов *согласно* и *согласно с*
в ономаσιологическом аспекте 6

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Е.В. Гусева

Особенности лексико-семантического поля «рукоделие»/«ручни
рад» в русском и сербском языках..... 11

СОВРЕМЕННАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА

Л.Н. Норейко, Л.Н. Некрасова

Об искусстве деловой переписки: мотивационное письмо 18

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю.И. Афонина

«Ни о чём» — о диалогах Чехова и Тарантино 23

П.А. Мамышева

«Одноэтажная Америка» Ильф и Петрова — два почерка
одного писателя 28

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

А.И. Павлов

Кольцевая сегментация как основное СФЕ на занятиях
по чтению (уровень С1) 42

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.А. Кузнецов

Пособие «Онлайн-сервисы в гуманитарной сфере и научной
деятельности»: актуальность, цели, задачи, структура..... 47

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В ЛИЦАХ

Л.Н. Панько

Служение русскому миру 50

Адрес редакции:

115035 г. Москва,
Космодамианская набережная
д. 26/55, стр. 7
e-mail: redactor@profsobranie.ru

Учредитель

Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035, г. Москва, Космодамианская
набережная 26/55, стр. 7)

Издатель

Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035 г. Москва, Космодамианская
набережная д.26/55, стр.7)

Об отношениях предложных и падежных значений в предложно-падежных формах русского языка*

М.А. Шелякин,
г. Тарту, Эстония

Статья посвящена установлению принципов описания семантического взаимодействия компонентов предложно-падежных конструкций. Анализируя функционирование сочетающихся с несколькими падежами (многопадежных предлогов), в частности двухпадежных *в, за, на, под* и трёхпадежных *по* и *с*, автор, исходя из гипотезы наличия у каждого такого предлога общего и исторически первичного значения, характеризует трансформацию подобных общих значений в результате семантического взаимодействия предлога с падежом, их семантического взаимоопределения.

Ключевые слова: предложно-падежная форма, семантика падежа, семантическое согласование падежа и предлога.

Решая вопрос о семантике предлогов, нельзя не учитывать, что словоформы существительных, употребляясь без предлогов, самостоятельно реализуют то или иное падежное значение, а предлоги реализуют свои грамматические значения только в сочетании с падежными формами. В связи с этим встает вопрос о семантико-синтаксическом статусе предлогов по отношению к падежам: предлоги управляют падежами или же семантически согласуются с ними?

Первый подход к решению данного вопроса (предлоги управляют падежами)

не объясняет сочетаний ряда предлогов с двумя и тремя падежами: таковы, например, сочетания типа «предлог *со* + родительный, творительный или винительный падеж» (*убрать со стола, идти со мной, мальчик с пальчик*). Поэтому обычно принято считать, что предлоги мотивируются в своем выборе семантическим соответствием, согласованием с падежными значениями и тем самым образуют единые предложно-падежные формы. Так, В.В. Виноградов считал, что «связь предлога с тем или иным падежом зависит от соответствия значений пред-

* *От редакционной коллегии.* Подходит к концу публикация в нашем журнале наиболее интересных для современного читателя материалов международной научной конференции «Грамматика славянского предлога. Синхрония и диахрония», проходившей в 2003 году на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова (см. №№ 2 и 3 за 2022 год).

В данном номере нашего журнала публикуются две статьи, посвящённые семантическому аспекту функционирования русских предлогов. Статья одного из ведущих специалистов в области русской грамматики профессора Тартуского университета Михаила Алексеевича Шелякина (1927–2011) посвящена характеристике семантического взаимодействия предлога и падежа как компонентов именных конструкций. В статье профессора Ларисы Алексеевны Чижовой, зав. кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ, обсуждаются общие вопросы установления причин различий в семантике и функционировании родственных по происхождению непроизводных предлогов типа *согласно* и *согласно с*.

Публикация материалов конференции на этом заканчивается, но мы планируем продолжение обсуждения данной проблематики. В частности, редакционная коллегия в очередном номере журнала предполагает подвести итоги конференции в контексте современного изучения грамматики служебных слов.

лога и падежной формы» [Виноградов 1947: 684], и иллюстрировал это положение, например, предложениями со значением удаления, отдаления, исхождения, происхождения, причины, источника, лишения, отсутствия чего-либо, которые сочетаются с родительным (отложительным) падежом: *от, из, с, без кроме, мимо* [Там же]. Ссылаясь на А.А. Шахматова, В.В. Виноградов в то же время подчеркивал, что «предлог не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении» [Там же: 677], т.е. в целом обращал внимание на «служебную» семантическую роль предлогов по отношению к падежным значениям.

Однако как с точки зрения семантического управления предлогов падежами, так и согласования предложных значений со значениями падежных форм неясно общее значение многопадежных предлогов, в частности предлога *с*, сочетающегося, как было показано выше, с тремя падежами, или же предлога *по*, сочетающегося с дательным, винительным и предложным падежами. Особый интерес представляет также изучение семантической функции, которую выполняют в предложно-падежной форме однопадежные предлоги, например *до* и *для*, сочетающиеся с родительным падежом, — очевидно, что каждый из этих двух предлогов сам по себе имеет направленно-достигательное, а не отложительное значение.

Эти трудности в объяснении семантики предлогов в сочетании с определенными падежами снимаются, если признать, что предложные и падежные значения находятся друг с другом в отношении семантического взаимоопределения (взаимовлияния, «взаимуправления»), о чем писал ещё Н.П. Некрасов: «...сопоставление предлога с тем или другим падежом основано на соответствии их взаимно определяющих друг друга значений»

[Некрасов 1865: 181]. Это означает, что в единых предложно-падежных формах предлоги определяют употребление того или иного падежа, а падежи вместе с существительными определяют употребление при себе того или иного предлога. Рассмотрим с этой точки зрения многопадежные предлоги русского языка.

1. Общим и исторически первичным значением трехпадежного предлога *с* можно считать значение совместности предмета с другим предметом или направленности на совместность с другим предметом, что определило его сочетание с творительным падежом в социативном значении, и наоборот — сочетание творительного социативного с данным предлогом: ср. *Испания граничит с Францией; связать один пакет с другим*.

Это значение предлога *с* было исходным для его отложительного значения, выражающего направленность действия с поверхности предмета, с которым совместно находился отложительно направленный предмет, что определило сочетание данного предлога с отложительным родительным падежом, и наоборот — сочетание отложительного родительного падежа с предлогом *с*: *сбросить снег с крыши, сбегать с горы*.

Таким образом, двойное значение предлога *с* предопределено значениями двух падежей — творительного социативного и родительного отложительного: отложительно-сепаративное значение беспредложного родительного падежа придало социативному значению предлога *с* характер (признак) отложительной направленности, а социативное значение беспредложного творительного падежа усилило совместное значение предлога *с*.

Подобным же образом винительный падеж в значении целостной меры (*рыба весит два килограмма, пройти километр*) придал предлогу *с* в значении совместности признак сходства или приблизительности: *огурец с горю, пройти с километр*.

2. В качестве общего, исторически первичного значения трехпадежного предлога **по** есть основания считать обозначение внешних пределов предмета, по отношению к которым осуществляется направленно-присоединительное действие (*ударить по доске, ходить по комнате*). Это значение свойственно и беспредложному дательному падежу (*дать сыну книгу*), что определило употребление с ним предлогов **по** и **к** с выбором из них одного в зависимости от выражаемой ситуации (*дать кому-либо по книге, подойти к дому*). Данное общее значение предлога под влиянием винительного падежа, обозначающего целостный предмет, изменилось в значение предмета как предела направленно-присоединительного действия (*засучить рукава по локоть, стоять в воде по пояс, по горло*), а под влиянием местного падежа, обозначающего локализацию действия во времени (*родиться в мае*), трансформировалось в значение, указывающее на локализацию последующего (направленно-присоединительного) действия после окончания предшествующего действия: *жениться по окончании (= после окончания) университета, выйти на работу по возвращении (= после возвращения) из отпуска*.

3. Общим и исторически первичным значением двухпадежного предлога **в** мы считаем обозначение внутренних пределов предмета, которое под влиянием направленно-инклюзивного значения винительного падежа трансформируется в значение направленности действия во внутренние пределы (*идти в комнату*). И наоборот, направленно-инклюзивный винительный падеж определяет соответствующее употребление предлога **в**, а под влиянием локально-инклюзивного значения данного падежа предлог **в** приобретает значение нахождения во внутренних пределах предмета (*сидеть в комнате*).

4. Для двухпадежного предлога **на** общим и исторически первичным значе-

нием можно считать указание внешней поверхности предмета. Однако под влиянием направленно-инклюзивного значения винительного падежа предлог **на** выражает значение направленности на соединение предмета с поверхностью другого предмета (*надеть шапку на голову, взобраться на гору, наехать на столб*). А под влиянием локально-инклюзивного значения местного падежа тот же предлог имеет значение нахождения предмета на внешней поверхности другого предмета (*книга лежит на столе*).

5. Общим и исторически первичным значением двухпадежного предлога **под** можно считать обозначение нижних пределов предмета, которое под влиянием направленно-инклюзивного значения винительного падежа предстаёт в виде указания направленности в эти пределы (*положить книгу под стол, ударить под ребро, взять под руку*). Под воздействием социативного значения творительного падежа этот предлог становится средством выражения значения нахождения в нижних пределах предмета (*книга лежит под столом*).

6. Наконец, мы полагаем, что общим и исторически первичным значением двухпадежного предлога **за** следует признать обозначение задних пределов предмета. Под влиянием направленно-инклюзивного значения винительного падежа данный предлог выражает направленность в эти пределы (*положить книгу за шкаф*), а в сочетании с творительным социативным — значение нахождения в задних пределах предмета (*стоять за шкафом*).

Взаимоопределение предложных и падежных значений свойственно и сочетаниям субстантивных словоформ с однопадежными предлогами. В таких сочетаниях не только предлогом определяется падеж, но и падежная форма существительного определяет тот или иной предлог в зависимости от обозначаемой ситуации.

Представленный выше механизм взаимоотношения предложных и падежных значений объясняет, в частности, казалось бы, «нелогичное» употребление родительного падежа с предлогами *до, для (ради)*, которые сами по себе имеют достигательное и целевое значение, а не значение отложительности: *допрыгнуть до потолка, доехать до города, работать для победы, потрудиться ради улучшения жизни*. В этих предлож-

но-падежных формах отложительный родительный падеж вносит в значение предлога сему направленности действия на достижение отложительного предмета.

Таким образом, предлоги и падежные формы представляют собой самостоятельные грамматические единицы со своими значениями, создающими в результате их взаимоотношения единые грамматические комплексы.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.;Л., 1947.
2. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.

On relationship between prepositional and case meanings in prepositional-nominal forms

Mikhail A. Sheljakin,
University of Tartu

The article deals with determination of principles for description of semantic interaction within components of prepositional-nominal constructions. Basing on the functional analysis of prepositions combining with more than one case (e.g., 2 cases — *v, za, na, pod* — 3 cases — *po, s*) the author relies on hypothesis of initial archetypical meaning inherent for every preposition in question and describes transformation of these meanings as a result of semantic interaction of preposition and case as well as their mutual semantic influence.

Key words: prepositional-nominal forms, case semantics, semantic coordination of case and preposition.

Подписка на I полугодие 2023 г.

**Общероссийская общественная организация
«Российское профессорское собрание»
продолжает подписку на I полугодие 2023 г.**

Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература — 79623

Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм — 79622

Объединенный каталог Урал-Пресс.

Словообразовательные и семантические особенности русских предлогов *согласно* и *согласно с* в ономасиологическом аспекте

Л.А. Чижова,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: lachizhov@yandex.ru

В статье анализируются развитие лексико-грамматической системы русского языка на примере изменений соотношений непервообразных предлогов *согласно* и *согласно с* при учете изменений в отношении формы (вариативность оформления предложно-падежного сочетания) и в отношении значения (выявление соотношений однозначности и неоднозначности выражаемых синтаксических значений в разных типах речевого узуса), а также влияния референтной мотивации предиката и лексико-семантической группы существительного на значение предлога.

Ключевые слова: ономасиология, непервообразный предлог, референтная мотивация, интенциональность.

Образование, употребление и особенности значений таких предлогов, как *согласно* и *согласно с*, на первый взгляд, кажутся лишёнными специфики. Однако, как мы постараемся показать, такая предсказуемость оказывается иллюзорной. Более того, по нашему мнению, сопоставление «жизненного пути» двух русских предлогов оказывается поучительным и значимым для диагностики состояния лексикограмматической системы русского языка.

Приведем трактовку предлогов *согласно* и *согласно с*, предлагаемую в академической Русской грамматике (общие вопросы рассмотрения предлогов представлены в разделах морфологии и синтаксиса [Русская грамматика 1980, I: 706–716; Русская грамматика 1980, II]. Соотношение главного и зависимого члена в словосочетании с предлогами *согласно* и *согласно с* рассматривается в Русской грамматике как глагольное примыкание, которое не обладает признаком грамматической обязательности, в отличие от управления [Русская грамматика 1980 II: 45]. Значение предлогов *согласно* и *согласно с* описывается

как обстоятельствоопределяющее, в отличие от собственно определятельных и субъективноопределятельных значений предлогов [Там же: 18].

Предлоги *согласно* и *согласно с* характеризуются, с точки зрения словообразовательного анализа, как непервообразные наречные предлоги (*согласно* как простой наречный предлог; *согласно с* как составной наречный предлог [Русская грамматика 1980 I: 705]). Среди однотипных предлогов называются наречные простые непервообразные предлоги *наперекор*, *против*, *согласно*, *сообразно*, *соответственно*, *соразмерно*, с одной стороны, и наречные сложные непервообразные предлоги *сообразно с*, *соответственно с*, *соразмерно с* — с другой.

Функционирование предлогов *согласно* и *согласно с* в составе словосочетания описывается во втором томе Русской грамматики [Русская грамматика 1980 II: с. 49]), их значение определяется как значение соответствия. В тот же раздел со значением соответствия или несоответствия входят предлоги *в соответствии с*, *в согласии с*, *в уровень*, *сообразно с*, *по*, *соразмерно*, *со-*

ответственно, сообразно, применительно к, глядя по, смотря по, вопреки, наперекор, против, — предлоги распределены по признаку следующей за ними падежной формы (формы творительного, дательного или родительного падежей).

В Русской грамматике также описываются словосочетания со значениями причины, основания, стимула, повода с предлогами *из-за, из, от, вследствие, по поводу, по случаю, под предлогом, благодаря, по, через, за, с, в связи с* в [Русская грамматика 1980 II: 48, §1794], а в §1795 характеризуются также словосочетания со значениями зависимости, обоснования, источника с предлогами *в силу, на основании, исходя из, из, в зависимости от, независимо от, в порядке, в результате*, причем авторы грамматики подчеркивают семантическую близость этих двух групп.

Обычно производные предлоги, в отличие от непроизводных, не обладают многозначностью, они сохраняют предметность в значении с производящей основой. Таким образом, в большинстве случаев производные предлоги, типа *вблизи от, посередине*, предсказуемы в сфере значения: по сути, образование таких предлогов описывается в семиотическом плане как явление иконического знака (соотношение формального и семантического компонентов обуславливается соотношением производного слова с производящей основой как по форме, так и по значению с учетом возможных семантических и формальных сдвигов)¹. Таков, в частности, один из анализируемых предлогов — предлог *согласно с*. Например, в контексте *выполнять наиболее активные обязанности согласно с правилами игры* (пример приведен в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой

при толковании одного из значений слова *водить* [Ожегов, Шведова 1991: 89]), предлог *согласно с* явно проявляет связь с одним из значений слова *согласный* — ‘сходный, совпадающий с чем-н., соответствующий чему-н.’. Следует отметить, что предлог *согласно с* ограничен в употреблении — он встречается лишь в текстах грамматических описаний, в то время как поиск в банке данных по материалам Интернета не дал результата.

Предлог *согласно* особенный: он развивает многозначность, приобретает новые значения, вне поля производящей основы. Так, с одной стороны, в деловой сфере, в документах разного рода, предлог *согласно* используется в значении обоснования, как, например, в контексте типа *Все права защищены согласно российскому и международному законодательству* (предлог *согласно* — в значении ‘в соответствии с’). Это исконное значение предложноподлежащей формы, что подтверждается названием одной из московских грамот 1627 года: «Грамота царя Михаила Федоровича о посылке сторожей на воронежские сторожи *согласно* присланной росписи».

Однако, с другой стороны, во многих текстах средств массовой информации предлог *согласно* приобретает, помимо значения обоснования, дополнительное значение причины: *Согласно нормам ислама, совместная война мусульман с иноверцами против мусульман другой национальности не допускается* (значение причинности подчеркнуто обособлением словосочетания *согласно нормам ислама* в значении ‘именно потому, что нормы ислама таковы’). Появление нового элемента значения, не соотносимого со значением производящей основы, позволяет трактовать предлог *согласно* в сфере семиотики как знаксимвол [Пирс 2000: 221–222].

Здесь следует особо подчеркнуть, что грамматические описания не отмечают возможности сближения предлогов ответственности с предлогами причины, с одной стороны, и предлогами со значениями зависимости, обоснования, источника, с другой. Есть ли объяснение текучести,

¹ Иконичность — это свойство, присущее определенному типу языкового знака, в противопоставлении знакамсимволам и знакаминдексам (по теории Ч. Пирса [Пирс 2000: 200–233]). Иконичность знака проявляется «в наличии между его двумя сторонами, означающим и означаемым, некоторого материального (изобразительного, звукового и т. п.) или структурного подобия» (см. словарную статью «Иконичность» в интернет-ресурсе [Энциклопедия Кругосвет]).

непредсказуемости значения предлога *согласно* — вопрос, ответ на который нужно искать в описании свойств всей лексико-грамматической системы современного русского языка. Именно этот вопрос занимает автора данной статьи.

Объяснений может быть несколько. Различие судеб предлогов *согласно* и *согласно с* может определяться или факторами сферы словообразовательных отличий, или же сферы референтной мотивации (влиянии референтов «справа» и «слева» от анализируемых предлогов); далее, объяснения следует искать в самой языковой деятельности человека, который строит словосочетания, исходя из представлений о семантической согласованности компонентов; наконец, что также вероятно, в различии предлогов проявляется общая тенденция развития лексико-грамматической системы русского языка (ведь наши предлоги различаются по принадлежности к центру и периферии языкового узуса). Не следует исключать возможности существования и иной причины, а также возможности соединения ряда причин.

Рассмотрим своеобразие мотивированности и производности² предлогов *согласно* и *согласно с*.

Хотя Русская грамматика квалифицирует предлог *согласно* как наречный [Русская грамматика 1980; I: 705], он соотносится в семантическом отношении с глаголом *согласоваться*. Ср. значение производного наречия *согласно* от прилагательного *согласный* в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: *согласный* имеет значение ‘сходный, совпадающий с чем-н., соответствующий чему-н.’ — значение отмечено в качестве периферийного (приведено в словаре под номером 3 [Ожегов, Шведова 1991: 742]). В словарной статье приводится пример *Поступок, согласный с требованиями долга*. Указанное значение у слова *согласный* трактуется как уста-

ревшее. Глагол же *согласоваться* имеет актуализированное в современном русском литературном языке значение ‘оказаться (быть) в соответствии с чем-н.’ Из толкований значений слов *согласный* и *согласоваться* очевидна семантическая связь предлогов *согласно* и *согласно с* (в особенности — предлога *согласно с*, так как предлог *согласно* практически ушел на периферию языковой компетенции) не с прилагательным *согласный*, а с глаголом *согласоваться*, хотя именно в составе словарной статьи прилагательного *согласный* в словаре приводятся анализируемые предлоги *согласно* и *согласно с*.

Таким образом, узус предлога *согласно* как актуализированного в речи предлога — пример расхождения формальной и семантической производности, а также демонстрация формирования производных значений — в отличие от предлога *согласно с*, который является однозначным. Из этого следует, что словообразовательные особенности предлога *согласно* дают основание характеризовать словообразовательную динамику — наличие тенденции разрушения однозначных соотношений по признакам производности и мотивированности между производящей и производной основами. Такая тенденция не противоречит закону развития языка как знаковой системы, фиксирующей познавательную деятельность человека³.

Перейдем к рассмотрению семантических связи предлогов *согласно* и *согласно с*. Здесь важно прежде всего подчеркнуть необходимость разграничения лексической и референтной сочетаемости⁴. Ограничения лексической сочетае-

² О возможности расхождения семантической мотивированности деривата и его словообразовательной производности см.: [Земская 2002].

³ Закон развития знаковой системы сформулировал С.И. Карцевский в работе «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» [Карцевский 1965: 85–90].

⁴ Как отмечала Н.Д. Арутюнова, «...ограничения на сочетаемость слов могут относиться к лексическому и референтному уровню» [Арутюнова 1976: 86]. Ср. различие референтного типа: *сыпаться* (о зернистой массе, крупинках) — *литься*, *течь* (о жидкости), ср. корреляты *есть* — *пить*. Однако порусски мы говорим: *пить сок*, но *есть бульон* — налицо различие лексической сочетаемости (см. подробнее [Там же: 86–87]).

мости должны быть системно запрещены, так как образование словосочетаний с предлогами *согласно* и *согласно с* проходит по типу примыкания, а не управления (см. уже упомянутое выше разграничение управления и именного примыкания, проведенное в Русской грамматике). Но ограничение на референтное сочетание явно должно существовать, так как «внешние солидарности»⁵ отражают связи референтов в когнитивной картине мира говорящего субъекта.

Какова тематика референтов, обозначаемых формой дательного падежа при предлогах *согласно* и *согласно с* в словосочетаниях? Анализ выборки (тексты грамматик, СМИ, документов, рекламы и др.) показывает только особенности употребления предлога *согласно с* обособлением и без обособления предложнопадежной конструкции. Из проведенного анализа можно сделать вывод: обособление предложнопадежной конструкции «согласно + дательный падеж существительного» свидетельствует о наличии дополнительных значений причины, соотношения, зависимости, обоснования, источника — кроме значения соответствия происходит в текстах СМИ, а в документообороте такого употребления не обнаружено.

Из этого можно сделать вывод, что тематическая группа слов типа *закон*, *Конституция*, *уложение* и проч. названия актов государственного регулирования экономической, политической и социальной жизни общества в целом и частных лиц в отдельности предполагает реализацию исконного значения предлога *согласно*. В текстах СМИ предлог *согласно* может употребляться и с отглагольными существительными со значением результата действия (*согласно решению*, *согласно обоснованию*, *согласно исследованию* и т. д.). Именно в подобных случаях обнаруживается тенденция к обособлению. Таким образом, различие референтной сочетае-

мости предлога *согласно* объясняет различие значений анализируемого предлога. Предстоит еще выяснить, насколько велико влияние стилистического фактора. Кажется, что причина не столько в стиле, сколько в специфике «внешних солидарностей».

Что касается влияния «слева» — влияния глагола в словосочетании с предложнопадежной формой типа *приобрести + согласно + существительное* (например, в предложении: **Согласно неофициальной информации, фирма приобретет 20% акций...**) — на значимость предлога *согласно*, в случае обособления его с формой существительного, оказывает влияние интенция, выраженная формой будущего времени глагола совершенного вида, — значение предположения, предвидения. Отсюда вытекает и необходимость обособления таких предложнопадежных форм, и наличие дополнительных обстоятельственных значений: ср.: **Согласно прогнозам, на автомобильном рынке России предвидится рост в 27%**. Примечательно сопоставить предыдущий пример со следующим: **Очередные президентские выборы согласно Конституции состоятся в 2004 году**, в котором выражается иная интенция — констатация полной уверенности в реализации будущего события, поэтому и нет обособления.

Таким образом, влияние «слева» носит не референтный, а интенциональный характер, что также отражает особенности восприятия человеком окружающего мира, черты его когнитивной картины мира, и это эксплицитно выражается в семантике предлога. Естественно, в случае необособления предложнопадежной конструкции фиксируется констатирующий фон оценки говорящего: **Согласно взглядам ваххабитов традиционный ханафизм был отходом от истинных ценностей ислама** (в приведенном примере примечательна форма прошедшего времени глагола-связки).

Подводя итоги анализа словообразования, употребления и особенностей значения предлогов *согласно с* и *согласно*, можно констатировать проявление большей

⁵ Термин «внешние солидарности», в отличие от «внутренних солидарностей», введен Е. Косериу, см.: [Косериу 1969: 99]. Ср. также: [Апресян 1972: 439–458].

многозначности предлога как залог «долготельства» предлога, что соответствует закону языка как семиотической системы. Разрушение связей по признакам мотивированности и производности также способствует передвижению элемента к центру системы. При рассмотрении особенностей употребления предложноподлежащих конструкций полезно изучение выявления референтных связей между эле-

ментами картины мира человека, проявляющихся в специфике тематических групп существительных в соответствии со значением предлога. Следует также учитывать интенциональность высказываний для выявления особенностей языковой деятельности человека. Именно эти факторы, как было показано выше, способствуют объяснению различий употребления русских предлогов *согласно* и *согласно с*.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Об одном правиле сложения значений // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 439–458.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логикосемантические проблемы. М.: Наука. 1976. 282 с.
3. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2002. С. 296–441.
4. Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 85–90.
5. Косериу Е. Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикологии и лексикографии / Под ред. П.Н. Денисова и Л.А. Новикова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 188 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.
7. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 412 с.
8. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980 / Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 790 с.
9. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980 / Т. II: Синтаксис. 714 с.
10. Энциклопедия Кругосвет // URL. Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IKONICHNOST.html. Дата обращения: 29.10.2003.

Word-formation and semantic features of Russian prepositions *soglasno* and *soglasno s c* in the onomasiological aspect

L.A. Chizhova,

Lomonosov Moscow State University

E-mail: lachizhov@yandex.ru

Russian lexical and grammatical system development is analyzed on the example changing of simple and complex derived prepositions *soglasno* и *soglasno s* if it is taken into consideration the formal side of the language sign (variability of prepositional-case combination) and the semantic side of the language sign (ambiguity and ambiguity relations of expressed syntactic meanings in different types of speech usage) and also the reference motivation influence of the predicate and the lexico-semantic noun group on the preposition meaning.

Key words: onomasiology, derived preposition, referential motivation, intentionality.

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-4-11-17

Особенности лексико-семантического поля «рукоделие»/«ручни рад» в русском и сербском языках

Е.В. Гусева,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: elviguseva@mail.ru

В статье сравниваются основные элементы лексико-семантического поля «рукоделие» в двух языках — русском и сербском. Основное внимание уделяется сравнению центральных элементов поля, так как периферические элементы этого поля, как правило, входят в другие ЛСП, а в качестве составляющих рассматриваемого ЛСП в разных языках используются с разной частотностью (вплоть до редкого). Анализ проводится на основании словарных статей и результата опроса носителей русского и сербского языков. Дополнительно рассматриваются результаты опроса носителей польского языка.

Ключевые слова: русский язык, сербский язык, лексико-семантическое поле, культурологические особенности.

Лексико-семантическое поле «рукоделие» нельзя назвать хорошо изученным, хотя область жизни, описываемая им, изначально являлась неотъемлемой частью жизни человека. Любая женщина умела шить, вышивать, вязать и т. д., так как это было единственным способом создания одежды и других необходимых вещей. С развитием промышленности ситуация стала меняться. Некоторое время назад носить вещь, сшитую самостоятельно, было чем-то даже слегка постыдным, высоко ценились вещи, сделанные на фабриках. В русской речевой культуре слово *самоделка*, которое использовалось для вещей, сшитых или связанных самостоятельно, даже приобрело оттенок презрительности. Но постепенно с развитием интереса к индивидуальности и повышением ценности личности в целом, стало престижнее иметь вещь, существующую в единственном экземпляре. Не все могут позволить себе покупать вещи модных дизайнеров (из коллекций, созданных в малых количествах). Большинство людей, если пожелает отличаться внешне от общей массы, обращается к частным мастерам или делают что-то самостоятельно.

В сети Интернет существует большое количество сайтов, посвященных как самому рукоделию, так и продаже изделий индивидуального производства. Однако лексемы, описывающие предметы и понятия, относящиеся к области рукоделия, часто отсутствуют в учебниках иностранных языков, разговорниках, тематических словарях. Это создает определенные трудности при межъязыковых контактах, в какой-то степени может повлиять и на экономические связи между представителями разных народов.

При изучении данного лексико-семантического поля логичнее и удобнее начинать с его вершины, т. е. с самого понятия *рукоделие*. Обратимся к толковым словарям и энциклопедиям.

«Рукоделие — вид ручного труда, искусство выполнения вещей из ткани, ниток, шерсти и других материалов. Преимущественно термин используется для женского труда: шитья, вышивания и вязания. Многие виды ручного искусства нашли своё место в шитье и цветоделии, аппликации и пэчворке, квиллинге и валянии, вязании и вышивке. Даже такие старинные виды рукоделия, как тка-

чество, ковроткачество и художественная обработка кожи в современном мире очень актуальны и востребованы» [Рукоделие].

«Рукоделие — шитьё, вязанье, вышивание и подобные виды ручного труда; искусство изготовления вещей руками; вещь, изделие, выполненные в процессе ручного труда» [Давыдова].

«РУКОДЕЛИЕ, рукоделия, ср. 1. *только ед.* Ручной труд, преимущественно женский (шитьё, вязанье и проч.). Заниматься рукодельем. 2. Исполненная ручным трудом вещь. На выставке большой успех имели рукоделия северных кустарей» [Толковый...].

Определение русского слова *рукоделие* содержит два интересных нюанса. Во-первых, речь идет преимущественно о женском труде. Во-вторых, это слово может обозначать не только деятельность, но и результат этой деятельности — созданную вещь.

Словари сербского языка содержат несколько однокоренных слов, связанных с данной темой, которые, однако, не встретились в результатах проведенного предварительного опроса носителей сербского языка. В качестве перевода русского слова *рукоделие* респонденты предлагали *ручни рад*, *рукотворина*, *рукотворство*. Словари же содержат и другие лексемы, толкования которых позволяют рассматривать их как синонимы приводимых респондентами:

«**рукодело**, с *ручни рад*, *рукотворина*»; «**рукоделство**, с *ручни рад*, *ручна израда*»; «**рукотвор** и **рукотвор** м *рукотворина*»; «**рукотворина** и **рукотворина** ж *оно што је створено руком, предмет ручне израде, ручни рад*» [Речник 1973: 580, 581]; [Речник 2007: 1177].

На основании изучения материала словарей (см. список литературы) можно было сделать следующие предположения о составе вершины изучаемого поля: русский язык — *рукоделие*, *ручной труд*, *ручная работа*; сербский язык — *рукоделство*, *рукодело*, *ручни рад*, *ручна израда*, *рукотворина*.

Анализ русских лексем приводит к следующим выводам. Во-первых, *ручной труд* является не частью поля *рукоделие*, а родовым понятием к слову *рукоделие*, то есть вершиной лексико-семантического поля, элементом которого является *рукоделие*. Что касается *ручной работы*, то эта лексема (несмотря на синонимичность единиц *труд* и *работа*) отличается от *рукоделия* значением.

Для анализа сербских лексем необходимы были дополнительные исследования. Студентами кафедры славистики философского факультета Новисадского университета (Сербия) в январе 2019 года были проведены опросы носителей сербского языка с целью выяснить место двух слов из данного лексико-семантического поля в современном сербском языке¹. Одним из слов было словарное (предположительно вершинное) *рукоделство*. Данное слово имеет славянские корни, поэтому респонденты, даже не зная этой лексемы, могли сделать выводы о его значении. Тем не менее, не все справились с задачей. Вот выводы, которые сделала одна из студенток² (заметим, что все студенты получили аналогичные результаты):

«Слово “*рукоделство*” является более знакомым³. Два мальчика до четырнадцати лет ответили, что это объясняется как “делать рукой”. У девочек, с другой стороны, ответы касались замешивания теста. От юношей я получила различные ответы, но только один из них был приблизительно точный. Один из ответов был, что “рукоделство” слово касающееся каких-то различий. Две девушки немного сомневались, но в конце они хорошо ответили. Из мужчин тридцатилетнего возраста одна половина ответила хорошо, а от второй половины я получила только негативный ответ. От женщин того же возраста я полу-

¹ В целом было опрошено 194 носителя сербского языка.

² Ответы студентов были написаны ими на русском языке и приводятся с сохранением авторской орфографии, пунктуации и стилистики.

³ По сравнению с другим предложенным словом — *позамантерија*, о нем см. ниже.

чила самые подробные правильные ответы. Что касается ответов мужчин от сорока до шестидесяти лет, они все были коротки, но точны. Женщины тоже хорошо ответили. У трёх семидесятилетних человек, двух мужчин и одной женщины, ответ был такой же как в словаре. Но тут оказался и один немножко странный ответ, который гласил: “Рукоделство” значит работать или делить рукой. Благодаря полученным ответам можно сделать вывод, что дети и молодые люди вообще не знают, что это слово обозначает или о нём имеют самое маленькое представление. Почти все женщины и девушки умеют хорошо объяснить значение слова “рукоделство”. Мужчинам, которые старше сорока лет, тоже удаётся объяснить значение этого слова, но тем, кто моложе, не удаётся» (Козич Соня).

Приведём рассуждения ещё одного студента, из которых становится понятна причина такой неосведомленности опрошенных респондентов:

«Рукодело (рукодјело), рукоделство (рукодјелство) — не появляются в стандартном сербском языке или появляются очень редко. Они появляются на стандартном хорватском языке, на боснийском и в некоторых частях Черногории. Я только знаю, что никогда не видел и не читал эти слова в стандартном сербском тексте или слышал их в беседе, хотя я часто видел их в западных версиях. Политика на Балканах, включая лингвистическую политику, довольно сложна, поэтому иногда мы должны быть осторожны, чтобы не ошибиться. Иногда сербские лингвисты любят называть все эти языки вариантами сербского. Кто бы знал, кто прав?!» (Слободан Петрович).

Для уточнения и более чёткого различения русских слов *рукоделие* и *ручная работа* в современном русском языке был проведен опрос носителей русского языка. Респондентам были предложены пять предложений с пропусками и слова для вставки (см. табл.).

Результаты опроса показали, что на современном этапе значение ‘вещь’ лексема *рукоделие* уже потеряло, а то, что рукоделие обозначает преимущественно женские занятия, до сих пор ощущается носителями языка. Значение ‘деятельность’ в слове *рукоделие* сохранилось. Случаи выбора респондентами этого значения у сочетания *ручная работа*, скорее всего, объясняется синонимией слов *работа* и *труд*.

Для сравнения необходимо было провести аналогичный опрос носителей сербского языка. Изначально можно было предположить, что аналогом русского *рукоделия* будет служить сербский *ручни рад*, а аналогом *ручной работы* — *рукотворина*. Но ответы доцента кафедры славистики философского факультета Новисадского университета, носителя сербского языка Драганы Попович дал понять, что отличия данных лексем в сербском языке не аналогичны русскому:

«1. То није производ фабричке израде, већ **ручне израде**. / То није фабрички израђен предмет, већ **ручни рад**.

2. Никола од детињства воли да **ради рукама**.

3. **Ручни рад** је хоби многих жена.

4. **Рад рукама** (*ручная работа*) / **ручни рад** (*рукоделие*) развија фину моторику и веома смирује. *Здесь, по-моему, возможны оба ответа*.

5. Сада се у читавом свету врло цени **ручни рад** (*рукоделие* / *ручная работа*) /

Таблица

(в % ответов)	<i>рукоделие</i>	<i>ручная работа</i>
1. Эта вещь не фабричного производства, это	0	100
2. Николай с детства любит заниматься	71	29
3. Хобби многих женщин —	94	6
4. ... развивает мелкую моторику и хорошо успокаивает.	94	6
5. Сейчас во всем мире очень высоко ценят	0	100

врло цене предмети **ручно израђени** (*ручная работа*). *И здесь, как мне кажется, возможны оба ответа.*

В сербском языке ситуация несколько иная. И слово *рукоделие*, и словосочетание *ручная работа* на сербский язык можно перевести как *ручни рад*. Употребление словосочетания *ручни рад* зависит от контекста. На вещи, которая сделана руками, будет написано “ручни рад”. Слово *рукотворина* (то, что сделано руками, *ручни рад*) очень редко употребляется в разговорной речи. Слово *рукотворина* чаще всего употребляется в форме множественного числа в сочетаниях типа *народне рукотворине, сајам* (ярмарака) *рукотворина, колекција рукотворина*. Оно может обозначать и рукоделие, и предмет ручной работы».

Для подкрепления статистикой полученной информации были опрошены и другие носители сербского языка. Однако их ответы не подтвердили приведенное мнение. Ситуация со значениями перечисленных слов оказалась сложнее и требует дополнительного исследования. Вот два примера.

«1. Овај предмет није фабрички, већ **занатски** производ.

2. Николај воли да се бави **занатством/„мајсторисањем“** (*разг.*) од детињства.

3. **Ручни рад** је хоби многих жена.

4. **Ручни рад** развија фину моторику и савршено смирује.

5. Сада се свуда у свету веома цени **ручни рад**.

Занатство — ремесло, деятельность людей-мастеров; древние работы, которые принадлежат эпохе перед развитием промышленного производства (кузнечное ремесло, гончарное производство, ювелирика и др.).

Ручни рад — рукоделие и его изделия; виды работ, которыми занимаются преимущественно женщины (прядение, ткачество и др.)» (*Милакович Елена*).

«1. Ova stvar nije fabrički napravljena, ona je **RUČNI RAD** (B).

2. Nikolaj od detinjstva voli da se bavi **RUKOTVORINAMA/ RUČNIM RADOM** *в значении рукоделие* (A).

3. Hobi mnogih žena SU **RUKOTVORINE/ JE RUČNI RAD** *в значении рукоделие* (A).

4. **RUČNI RAD** (B) razvija motoričku sposobnost i smiruje.

5. Danas se u celom svetu visoko ceni **RUČNI RAD** (B).

По моему, *рукотворине* можно спокойно использовать, как в разговорном, так и в других стилях. *Rukotvorine* — совсем нейтрально. В Нови-Саде существует ярмарка рукоделия — SAJAM RUKOTVORINA. В сербском языке существует небольшая семантическая разница между словами РУКОДЕЛИЕ; РУЧНАЯ РАБОТА. Любое можно использовать в разговорном» (*Падолович Галина*).

Разумеется, различаются не только вершины этого лексико-семантического поля. Много несовпадений и в центре, и на периферии. Описать всё в одной статье не представляется возможным. Приведём лишь некоторые примеры.

Например, слово *игла* для русского человека — большая иголка, но никак не спица (хотя иногда словарное толкование слова «спица» включает в себя слово «игла»: «длинная тупая игла для вязания» — в проведённом исследовании респонденты не приводили этого значения слова *игла*).

Еще один пример, который, кстати, иллюстрирует не только различия, но и схожесть между языками в данной области, это названия магазинов, в которых продаются товары для рукоделия: русское *галантерея* и сербское *позамантерија*. Что их объединяет? Во-первых, оба языка для обозначения магазина, где можно купить товары для рукоделия, используют иноязычное слово, причём оба — из французского языка:

«**ГАЛАНТЕРЕЯ** (от франц. *galanterie*, букв. — вежливость, обходительность), торговое назв. предметов туалета и личного обихода (напр., ленты, галстуки, пуговицы и т. п.)» [Большой... 1993: 268]; «**ПОЗАМАНТЕРИЈА** (фр. *passenterie*) 1. израда гајтана, ширита, трака и др. за порубе, опшивених дугмета, ројти, реса итд.; 2. ра-

дионица у којој се израђује оваква роба» [Вујаклија 1980: 718].

Во-вторых, в современной жизни идет своеобразное «умелчение»: магазины называются по товару, который там продается: «Товары для рукоделия», «Ткани», «Пряжа» и под. — в России, «Сукно», «Метража», «Дугме» и под. — в Сербии (хотя в этих магазинах обычно можно купить не только заглавный товар).

В чем заключаются различия? Прежде всего, это разные слова. Следует заметить, что сербский язык более логично выбрал слово, так как оно образовано от названия предмета, используемого для рукоделия, в то время как в русском языке используется слово весьма обобщающего значения:

«La **galanterie** est un code de conduite organisé autour de la femme, souvent sous la forme de propos ou compliments flatteurs à l'égard des femmes. Vécue par beaucoup comme une forme de politesse et de savoir-vivre, elle est aussi considérée comme un moyen de séduction⁴» [Galanterie]. На русский язык это слово переводится как *галантность*.

«La **passenterie** regroupe l'ensemble des productions en fil de toute nature (végétal, animal, métallique...) utilisées en décoration vestimentaire ou architecture intérieure. Elle désigne également le commerce de ces produits⁵» [Passementerie]. В русском языке есть редко употребляемые слова *позумент* и *басон*, обозначающие различные виды тесьмы, шнурков и под.

Второе различие состоит в том, что русские люди, как показал опрос, знают и используют слово *галантерея* и имеют представление о том, что там продается; сербы же редко используют слово *позаманте-*

рија, и многие вообще не знают его значения. Подтвердим это результатами вышеупомянутого опроса носителей сербского языка:

«Слово “*позамантерија*” почти никому из тридцати людей, которые я опросила, не является известным. Я услышала очень много смешных ответов, которые не имеют никакой связи с данным словом. Я постараюсь перевести некоторые из них.

Один из мальчиков сказал: «*Это когда мы даём взаймы*». Второй, во-первых, немного подумал, а потом сказал, что *это поза, которую мы принимаем, когда у нас голова кружится*. (В сербском языке “головокружение” можно перевести как “мантање”). А третий ответил мне, что это слово связано со *штукатуркой* (в сербском “малтер”). Девочки ответили, что они не знают. Из пяти юношей и девушек четверо не знали, и один юноша подумал, что это имеет какую-то связь с *помазани-ем* и ведёт начало из русского или французского языка. Двадцатилетние мужчины или вообще не знали или неправильно ответили на мой вопрос. Они сказали, что “*позамантерија*” — *что-то огромное* или *какой-то материал*. У женщин этого возраста ответы были разные. Две из них ответили правильно, вторая сказала, что не знает, остальные подумали по-разному: что *тут продаются кожаные вещи*, что *это огромная машина*, что *тут можно купить мелкие вещи*. Мужчины от сорока до шестидесяти лет ответили негативно, а у женщин появлялись идеи как у детей — это когда *люди дают взаймы* или это может быть *что-то, что надо прятать, не передавать гласности*. От трёх семидесятилетних человек я получила в ответ «не знаю», и тут опять появилась одна женщина с интересным ответом, что “*позамантерија*” значит *что-то замазать*. Из всего этого можно сделать вывод, что слово “*позамантерија*” является знакомым только для женщин двадцатилетнего и тридцатилетнего возраста и не употребляется почти никогда» (Козич Соня).

Вот ещё интересные варианты объяснений: «нека кутија, остава за нешто; нешто апстрактно; некаква справа која је

⁴ Галантность — это кодекс поведения по отношению к женщинам, часто в форме лестных замечаний или комплиментов в адрес женщин. Воспринимаемый многими как форма вежливости и хороших манер, он также считается средством соблазнения (перевод автора статьи — Е. Г.).

⁵ К позументам относятся все виды пряжи всех видов (растительной, животной, металлической и т. д.), используемые в отделке одежды или архитектуре интерьера. Это также относится к торговле этими продуктами (перевод автора статьи — Е. Г.).

позајмљена; некакво масонско друштво; војска; кад се нечим занимаш; име ноћног клуба⁶. Здесь родной язык уже не мог помочь восстановить значение слова, хотя многие приведенные ответы респондентов говорят о такой попытке.

Представление о лексемах, относящихся не только к центру, но и к периферии данного лексико-семантического поля, дают и результаты ассоциативного опроса. Респондентам был задан вопрос: «Каковы ваши ассоциации со словом РУКОДЕЛИЕ?» / «Које су Ваше асоцијације на РУЧНИ РАД?» / «Skojarzenia (asocjacje) ze słowem RĘKODZIEŁO?».

Ассоциации русскоязычных людей, помимо центральных лексем (типа *игла*, *вышивка*, *вязание*, *бисер* и под.), содержат слова, связанные с получением удовольствия:

Игла.

Вышивание крестиком.

Вязание.

Ковроткачество, аппликация, выжигание по дереву.

Хобби, кропотливая работа.

Вышивка. Нитки, аппликация, швея, мастерица, иголки. Плетение. Рукоблудие) ... Вязание, шитье, карвинг, творчество, ремесло, бисер, нервы, хороший фильм, расслабление, гора спиц, тонны пряжи ... Еще бусины.

Спицы. Крючки. Нитки. Бисер. Стразы. Иголки. Пяльцы, Пряжа. Вышивка. Макраме. Шитьё. Вязание. Хобби. Поделки. Кружево. Тесьма. Идеи. Мастерица. Узор. Талант. Досуг. Картины. Клей. Оригами.

Нитки, вышивка, вязание, бисер, спокойное времяпрепровождение, дворянская жизнь, красивая шкатулка.

В ответах сербов, помимо центральных, много слов, обозначающих руки (и близкие понятия) и просто человека (без отношения к теме «рукоделие»), а также

связанных с работой, трудом, причем — сложным, трудным:

Сувенири, хеклање, сви предмети што су израђени од дрвета, парта, торт.

Руке, шити, оригами, хеклање, декупаж, кројач, вретено.

Мануелно, сликар, кројач, фабрика, игла, држати.

Рука, производ, материјал, пуно труда, шивање, декорација, човек.

Ткање, плетење, материјал, прсти, радити.

Материјал (конац, дрво), пуно времена, рука, сувенири, шивење.

Рука, хеклање, декупаж, шивење, декорација.

Производ, рука, рад, материјал, радити.

Вез, труд, украшавање, накит, ситан, фестивал, скулптура.

Поклон, вријене, старост, бака, цвијеће.

Вполне возможно, что различия в ассоциациях объясняются тем, что в России сейчас наблюдается своеобразный бум увлечения рукоделием (во многих городах и даже сёлах организуются выставки, клубы, кружки, конкурсы работ, ярмарки рукоделия и под.). В Сербии по сравнению с Россией ситуация более «спокойная»: такого всплеска интереса к рукоделию не отмечается.

Важно подчеркнуть, что для получения более полной картины этот опрос был проведен не только среди русских и сербов, но и среди поляков. Ассоциации последних представлены в основном лексемами, занимающими центральную часть поля «рукоделие», а также отмечено несколько слов, относящихся к родовым понятиям (например, *dzielo, praca, artefakt, wytwór*). Вероятно, это связано с тем, что, по свидетельству поляков, область рукоделия в современной польской культуре вполне «живая» и естественная:

Haft, wyszywanki, robótki stolarskie, dzierganie, dzianina, robienie na drutach, szydełkowanie, szycie, ściąg, heklowanie.

Ludowość, szydełkowanie, heklowanie, rzemiosło, wytwarzane ręką, cepelia.

⁶ Какая-то коробочка, кладовая для чего-либо; что-то абстрактное; какое-то приспособление, которое взято напрокат; какое-то масонское общество; армия; когда вас что-то интересует; название ночного клуба (перевод автора статьи — Е. Г.).

Haftowanie, szydelkowanie, rzeźbienie, malowanie porcelany, pisanki, kraszanki, jubilerstwo, wycinanki kaszubskie.

Kowalstwo, florystyka, makijaż, pedicure, manicure, wianki, dzianiny, lutnictwo, cukiernictwo, zamki z piasku, decoupage.

Artefakt, szycie, malowanie, dzieło, wytwór, praca, chałupnictwo, modelarstwo, wikliniarstwo.

Изложенный материал показывает, что лексико-семантическое поле «рукоде-

лие» / «ручни рад» в русском и сербском языках (видимо, и в других славянских языках) устроено довольно непросто и требует более тщательного анализа. Такая работа не только будет полезна в целях заполнения лакун в лексикологии, но и необходима в связи с возрастающим интересом к данной области жизни, что в условиях увеличения межнациональных контактов требует включения данной лексической темы в учебники, словари и разговорники.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1993.
2. Вујаклија Милан. Лексикон страних речи и израза. Београд: Просвета, 1980.
3. Давыдова С. Рукоделие. Викизнание. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wikiznanie.ru/wikipedia/index.php/Рукоделие> (дата обращения: 22.06.2022).
4. Речник српског језика / [израдили Милица Вујанић и др.; редиговао и уредио Мирослав Николи]. — Нови Сад: Матица српска, 2007 (Нови Сад: Будућност).
5. Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига пета. П—С. Нови Сад: Матица српска, 1973.
6. Рукоделие. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Рукоделие> (дата обращения: 22.06.2022).
7. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т “Сов. энцикл.”; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.).
8. Galanterie, Wikipédia. [Электронный ресурс]. URL: <https://fr.wikipedia.org/wiki/Galanterie> (дата обращения: 22.06.2022).
9. Passementerie, Wikipédia. [Электронный ресурс]. URL: <https://fr.wikipedia.org/wiki/Passementerie> (дата обращения: 22.06.2022).

Special aspects of lexico-semantic field “handcraft” in Russian and Serbian languages

E.V. Guseva,

Lomonosov Moscow State University

E-mail: elviguseva@mail.ru

This articles presents the results of the comparison of main units of lexico-semantic field “handcraft” in Russian and Serbian languages. Special attention is paid to comparison of the central units of the field in question since peripheral units usually belong to other lexico-semantic fields. These central units demonstrate different frequency of usage. The analysis is based on vocabulary articles and the results of surveys among Russian and Serbian speakers. Polish speakers responds are taken into consideration as well.

Key words: the Russian language, the Serbian language, lexico-semantic field, culturological characteristics.

Об искусстве деловой переписки: МОТИВАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Л.Н. Нореико,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: nor-larisa@yandex.ru;

Л.Н. Некрасова,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: carinjo@mail.ru

В работе рассматриваются средства и способы создания особого жанра делового текста — мотивационного письма. Отмечается актуальность и востребованность данного жанра в современной профессиональной жизни. Авторы обращают особое внимание на стилистические и содержательные особенности этого типа письма. В статье анализируются мотивационные письма, созданные учащимися на занятиях по русскому языку и культуре речи, рассматриваются наиболее частотные ошибки. Работа содержит ряд практических рекомендаций по совершенствованию письменных коммуникативных навыков.

Ключевые слова: деловая переписка, мотивационное письмо, коммуникативная цель, речевые навыки, адресат.

Среди основных задач учебного курса «Русский язык и культура речи» в вузах особое место занимает создание оригинального самостоятельного текста [Кортава 2015: 44]. Данный курс дает возможность учащимся творчески переосмыслить свою речевую деятельность, критически подойти к разнообразному речевому материалу [Сидорова, Николенкова 2014: 5].

Сегодняшние студенты завтра выйдут на рынок труда, где им нужно будет уметь представлять себя, свои возможности и достижения, чтобы занять соответствующую профессиональную нишу. Для успеха в будущей профессии необходимы так называемые *soft skills*, или гибкие навыки, в числе которых важными являются презентационные навыки. Мотивационное (сопроводительное) письмо — один из видов самопрезентации, предполагающий представление себя в наиболее эффективной и информативной форме.

Мотивационное письмо востребовано в ситуации поступления в некоторые вузы или при поиске места стажировки / работы в какой-либо компании. Данные письма могут быть как самостоя-

тельным документом, так и дополнением к стандартному резюме, поэтому такой тип письма также называют сопроводительным письмом. При создании мотивационного письма будущим соискателям необходимо решать ряд проблем содержательного и языкового характера. Многие аспекты написания такого письма непосредственно связаны с вопросами культуры речи, например структура письма, формулы начала и завершения документа, выбор стиля изложения фактов.

Поскольку мотивационное письмо — это один из жанров делового письма, то при его составлении необходимо придерживаться официального стиля изложения, что подчеркивает деловую основу отношений, а также дистанцию между коммуникантами. Обратим внимание на ряд особенностей такого типа письма.

- Мотивационное письмо представляет собой коммуникативно ориентированную письменную речь, так как предполагает необходимость заинтересовать адресата, привлечь его внимание и побудить к принятию решения. Оно внутренне диалогично.

- Передаваемая информация должна быть адресной, так как она предназначена конкретному получателю, в данном случае — должностному лицу. Фактор адресата представляется ключевым и определяет как содержательные, так и языковые компоненты письма.

- При составлении такого письма автору нужно продемонстрировать самостоятельность и оригинальность в изложении значимых фактов биографии, чтобы привлечь внимание менеджера по персоналу.

- Информация должна быть актуальной и достаточной, что поможет адресату сделать выбор в пользу пишущего. В этой связи отметим, что любое деловое письмо имеет конкретную цель и побуждает читателя к совершению определенных действий. В книге «Искусство делового письма» С. Карепина отмечает: «Чаще всего мы чего-то добиваемся от получателя письма, нашего адресата. Чтобы он приобрел наш товар, профинансировал наш проект, дал на что-то согласие» [Карепина 2010: 10]. В случае с мотивационным письмом целью является получение пишущим определенной должности или возможности пройти стажировку.

- Не следует забывать об убедительности и аргументированности письма. Это поможет пишущему расположить к себе адресата, произвести на него положительное впечатление.

- Необходимо соблюдать баланс между оригинальностью и стандартизованностью подачи информации. Письма, написанные по готовым шаблонам, не привлекут внимания потенциального работодателя (*Работа в вашей команде огромная честь для меня*), но и чрезмерная «оригинальность» может оттолкнуть адресата (*С моим приходом в вашу компанию вы сможете достичь более высокого уровня развития*).

Отметим, что при написании такого типа писем мы отступаем от канонов официально-деловой переписки. Не все рекомендации для написания деловых писем актуальны для этого жанра. Строгое следование композиционным и лексическим клише, характерное для деловой переписки, в мотивационном письме будет расцениваться отрицательно. Читающе-

го скорее заинтересует оригинальность представления фактов, чем шаблонность. Мотивационное письмо подразумевает некоторую степень эмоциональности, в отличие от большинства деловых писем, и предполагает проявление личности пишущего. В то же время такие черты делового стиля, как точность, ясность, лаконичность изложения, актуальны и для сопроводительного письма. Что же касается лексических и грамматических характеристик, то можно отметить, что большинство языковых особенностей деловых писем присущи и сопроводительному письму, например прямой порядок слов (подлежащее предшествует сказуемому), простые короткие предложения, отказ от устаревших слов и неоправданных заимствований, отсутствие излишней метафоричности [Кузнецов 2019: 120].

Работа по составлению мотивационного письма на занятиях по культуре речи позволяет комплексно формировать у учащихся следующие речевые навыки и умения:

- правильно оформлять деловое письмо;
- использовать языковые средства для привлечения внимания адресата к содержанию письма;
- отбирать значимые факты биографии;
- использовать адекватные оценочные средства для характеристики своих деловых и личных качеств;
- проявлять индивидуальность при изложении фактов, избегая употребления шаблонных средств;
- обобщать информацию, фокусируя внимание на значимых фрагментах содержания.

Работа над текстом мотивационного письма начинается с анализа требований к кандидатам на данную вакансию. Нужно понять, какую информацию необходимо изложить. «Чтобы это понять, поставим себя на место читателя. Кто это: кадровик, сотрудник или руководитель? Кого он ищет? <...> Что он ожидает увидеть в письме?», — отмечают М. Ильяхов и Л. Сарычева [Ильяхов, Сарычева 2018: 192]. На некоторых информационных ресурсах, посвященных деловой переписке,

можно найти информацию о том, что объем мотивационного письма должен составлять около 500 слов. Более верной представляется точка зрения, согласно которой нет четких требований к формату и объему мотивационного письма. Очевидно, что оно не должно быть слишком коротким, однако его объем не должен превышать одной печатной страницы. В противном случае многословие кандидата может обернуться против него. Главный акцент при подготовке мотивационного письма стоит делать на умении адекватно себя оценивать и соответствовать ожиданиям читающего.

В качестве эксперимента авторы статьи предлагали студентам первого курса различных гуманитарных факультетов написать мотивационное письмо. В данной статье мы хотели бы описать основные сложности, которые возникли у учащих-ся при составлении такого типа письма, обобщенно представив результаты анализа созданных ими текстов.

Мотивационное письмо обычно включает следующие информационные единицы:

- приветствие и обращение;
- представление себя (имя, социальный статус, возраст);
- мотивы заинтересованности в работе или учебе в данной организации;
- основные достижения кандидата, соответствующие требованиям к данной вакансии;
  - сильные стороны кандидата;
  - готовность учиться и развиваться;
  - факультативно — хобби, которые связаны с предполагаемой работой (например, подчеркивающие активность и общительность кандидата, его способность к аналитическому труду);
- информирование о своих возможностях (график работы, мобильность);
- завершение письма и контактная информация.

Мы согласны с авторами, которые обращают внимание на важность адекватного выбора языковых средств, используемых в начале письма, а именно — выбора форм приветствия и обращения [Ильяхов, Сарычева 2018: 98]. В частности, такое новомодное обращение, как «Доброго вре-

мени суток», может вызвать негативную реакцию читающего. Эта проблема связана с языковым вкусом, с чувством языка, с пониманием эмоциональной окрашенности языковых единиц. При написании мотивационного письма важно ощущать, что звучит фальшиво, а что искренне, какие языковые средства шаблонны, а какие отражают индивидуальность.

Как известно, в русском деловом письме традиционно используется обращение «*Уважаемая / уважаемый + имя и отчество адресата!*». Наш опыт показывает, что только 10% студентов выбирают этот вариант обращения в деловой переписке. Остальные пишут приветствие без обращения или используют сложные контаминированные формы. Студенты, получившие задание написать письмо на имя менеджера по персоналу Новиковой Анны Петровны, начинали свои работы так: «*Здравствуйте, уважаемая Анна!*», «*Уважаемая Новикова Анна Петровна!*», «*Здравствуйте, уважаемая Новикова Анна Петровна!*», «*Добрый день, Анна!*». Между тем нормам деловой переписки в данной ситуации соответствует обращение «*Уважаемая Анна Петровна!*». Если имя ответственного лица неизвестно, допустимо обращение к коллективу «*Уважаемые господа!*» или только приветствие: «*Добрый день! / Здравствуйте!*». В конце любой формы обращения необходим восклицательный знак, однако сейчас мы все чаще сталкиваемся с неправомерной постановкой после обращения точки (*Здравствуйте, Олег.*).

Во многих проанализированных нами письмах авторы пропускали позицию, связанную с представлением себя: «*Уважаемая Анна Петровна! Я хотела бы пройти стажировку в вашей компании. Мои ключевыми качествами являются...*». Однако читающему необходимо сразу понять, кто является автором письма. Отметим также, что представление должно начинаться с конкретной информации, не следует употреблять вводные фразы типа «*Хочу немного рассказать о себе*». Предпочтительнее такое начало: «*Меня зовут Смирнова Арина. Мне 20 лет. Я студентка 3 курса юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*». Наиболее извест-

ные аббревиатуры — названия высших учебных заведений — не следует расшифровывать, например: «*Я студент Московского государственного университета имени Михаила Васильевича Ломоносова*». В то же время менее известные аббревиатуры обязательно требуют расшифровки.

Кроме того, частой ошибкой в мотивационном письме является отсутствие информации о заинтересованности пишущего в получении вакансии или места стажера в компании. В то же время слишком прямолинейное указание на свой прагматический интерес может вызвать нежелательную реакцию читающего, например: «*Я хотел бы попасть на стажировку в вашу компанию, так как мне необходим практический опыт, который я могу получить только здесь*». Не стоит также чрезмерно подробно и эмоционально описывать достоинства принимающей компании, так как это звучит неискренне.

Возможный вариант представления может быть, например, таким: «*Я хотел бы пройти стажировку в вашей организации. Мой интерес обусловлен желанием проверить свои силы в компании, имеющей солидную репутацию*».

Сообщая о своих достижениях, важно описать их привлекательно, не увлекаясь в то же время самовосхвалением: «*Я проходил стажировку в компании ABC, где проявил себя как ответственный, целеустремленный и добросовестный работник*»; «*Считаю себя грамотным лидером, который может вести за собой людей*», «*Я являюсь перспективным специалистом*». Крайними случаями такого «самолюбования» являются ситуации, когда авторы мотивационных писем прямо называют себя «лучшими кандидатами» и «разумным выбором компании». Практика показывает, что пишущий не чувствует в этом случае ошибки. Между тем, такого рода оценки возможны только со стороны третьих лиц.

Не стоит также подробно представлять факты своей биографии, не имеющие прямого отношения к запрашиваемой вакансии, например: «*В школе я часто участвовал в... Мой интерес к этому предмету возник, когда...*». Удачным можно считать письмо, в котором акцент делается не на оценках, а на фактах, представ-

ляющих наиболее значимые достижения кандидата.

Хобби в мотивационном письме перечислять необязательно, но если это делать, то только в целях дополнить характеристику кандидата важными штрихами. Актуальны хобби, подчеркивающие активность и креативность кандидата, его организационные способности, желание развиваться, например, занятия спортом, творчество, изучение языков и др.

Информация должна быть представлена кратко и сжато. Недопустимы банальные рассуждения и фразы, не несущие смысловой нагрузки: «*Для работника важны его личные качества*», «*Стажировка — важная ступень в моей жизни*» или «*Междисциплинарность — это важное явление в наши дни*». Такого типа высказывания характерны для другого письменного жанра — эссе. Мотивационное письмо преимущественно представляет собой описание. При этом для адресата данного типа письма прежде всего важна фактическая информация.

В завершении письма не должно быть самонадеянных обещаний «*вывести компанию на новый уровень*», например: «*Я искренне верю, что моя работа в компании сможет принести ей большой доход и вывести на новый уровень конкуренции*». Достаточно поблагодарить адресата за рассмотрение письма. Нельзя допускать фамильярности и завершать письмо такими неуместными в данном жанре фразами, как «*До встречи*» или «*Желаю успехов*». Оптимальным вариантом является краткая формула завершения «*С уважением, NN*».

Мотивационное письмо представляет собой особый тип делового письма личного характера, поэтому ему свойственны умеренная экспрессивность, оценочность, проявление индивидуального стиля, позволяющее увидеть «лицо» пишущего, его искренность и готовность к прямому диалогу. «Относитесь к этому письму не как к священному ритуалу, а как к общению человека с человеком. У одного проблема, у другого — решение. Они хотят договориться» [Ильяхов, Сарычева 2018: 191]. Не нужно переносить в письмо нормы делового текста админи-

стративного характера с использованием канцелярских клише: «*В моем распоряжении находится много свободного времени; В период с мая две тысячи девятнадцатого года по сентябрь того же года я проходил стажировку; После поступления на факультет я приступил к активному изучению предметов*». По-видимому, студенты предполагают, что использование административно-деловых клише придает их письму солидность, однако злоупотребление такими конструкциями, напротив, создает комический эффект. В то же время мотивационное письмо является официальным документом, поэтому необходимо соблюдать стиль деловой переписки и избегать разговорных конструкций типа «получу уйму опыта», «*касаемо* моих достижений», «мне порекомендовали вашу контору», «*деятельность* вашей компании *сильно* меня привлекла».

Подведем итоги. Культура речи носителя языка предполагает умение создавать собственные оригинальные тексты с учетом ситуации и адресата общения. При создании мотивационного письма важно, в частности, понимать коммуникативную цель данного типа текста. Основная задача пишущего — представить информацию, достаточную для принятия решения адресатом, поэтому нужно как можно более точно представлять себе ожидания и запросы получателя письма. Письмо данного типа должно быть насыщено фактической информацией и оставлять приятное впечатление об авторе. Таким образом, работа с мотивационными письмами на занятиях по курсу «Русский язык и культура речи» развивает у учащихся языковой вкус и позволяет понять особенности стилистической дифференциации русской речи.

Литература

1. Ильяхов М., Сарычева Л. Новые правила деловой переписки. М.: Альпина паблишер, 2018. 256 с.
2. Карепина Саша. Искусство делового письма. Законы, хитрости, инструменты. М., 2010. 220 с.
3. Кортава Т.В. Русский язык и культура речи: учебное пособие. М.: Московское отделение издательства «Учитель», 2015. 335 с.
4. Кузнецов И.Н. Деловое письмо: Учебное пособие для бакалавров. М.: ИТК «Дашков и К°», 2019. 160 с.
5. Сидорова М.Ю., Николенкова Н.В. Русский язык и культура речи. Программы дисциплины. Учебно-методический комплекс. М.: Издательство «Доброе слово», 2014. 128 с.

On the art of business correspondence: motivational letter

L.N. Noreyko,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: nor-larisa@yandex.ru;

L.N. Nekrasova,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: carinjo@mail.ru

The means and methods of creating a special genre of business text — motivational letter — are being discussed in this paper. The actuality and relevance of this genre in modern professional life is noted. The authors pay special attention to the stylistic and meaningful features of this type of writing. Motivational letters written by the students in Russian Language and Culture class are being analyzed in the paper, the most common errors are being discussed. The article contains a number of practical recommendations for improving written communication skills.

Key words: business correspondence, motivational letter, communicative aim, verbal skills, addressee.

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-4-23-27

«Ни о чём» — о диалогах Чехова и Тарантино

Ю.И. Афонина,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: poetische@mail.ru

В статье сравниваются творческие методы А. Чехова и К. Тарантино в создании диалогов. Оба автора используют длинные диалоги, не столько продвигающие сюжет, сколько необходимые для достижения реализма. Персонажи разговаривают на бытовые и отвлеченные темы, говорят ни о чем. Однако сюжетная информация включается в поток повседневной речи. Оба автора высказывали схожие мысли о содержании диалогов; цели и средства создания бытовых диалогов в текстах А. Чехова и К. Тарантино также во многом совпадают.

Ключевые слова: Антон Чехов, Квентин Тарантино, диалог.

В драматургии форма и содержание диалогов, как правило, направлены на продвижение сюжета, на передачу зрителю важной информации. Сценическая условность традиционно подразумевала и зачастую подразумевает до сих пор целесообразность, привязанность вербального и невербального общения персонажей к событиям, однако творческий подход Антона Павловича Чехова, предвосхитивший развитие драматургии XX века, наделяет диалог совершенно иными функциями. Чеховские персонажи, разговаривающие о пустяках и пьющие чай, изменили представление о том, что должно происходить на сцене. В связи с этим возникает возможность неожиданного сопоставления. Существующая условность, по которой на сцене, «в кадре» оказывается исключительно важная для сюжета информация, с появлением кинематографа закрепились и там. Коммуникация в кинофильме близка театральной коммуникации и одинаково с ней отдалена от реальной речи. Между дискурсом кинофильма и дискурсом живой речи существует определенное количество несовместимых противоречий, таких как: подготовленность и спонтанность, постоянство и эфемерность, коммуникативное намерение говорящего и простое воспроизведение слов актером [Духовная 2014: 23]. Сценическая речь и киноречь, как правило, изобилуют репликами, не свойственными живой речи в таком объеме и с такой частотой: в комедиях

— остроумными; в драмах — философскими и афористичными. При этом оговорки, ошибки, тупиковые диалоги, свойственные живой речи, на сцене и в кино минимизированы. Таким образом, «пустая болтовня» персонажей если и существует, то где-то за рамками фильма, ограниченного хронометражем. На фоне привычной целесообразности всех реплик в кино общим местом в массовой культуре стало понятие «тарантиновские» диалоги. Режиссер и сценарист Квентин Тарантино имеет ярко выраженные авторские черты: склонность к нелинейному повествованию, к эстетизации насилия и к затянутым диалогам на отвлеченные темы. Последнее представляется нам интересным для сопоставления с авторскими особенностями повествования Антона Павловича Чехова.

В первую очередь, очертим творческий подход к созданию диалогов Квентина Тарантино. В интервью режиссер говорит: «Это мои герои написали эти диалоги, а я просто спровоцировал их и законспектировал то, что они говорили. <...> Поэтому мои диалоги *ни о чем* (курсив мой. — Ю. А.). Герои могут разряжаться, болтать по десять минут о Пэм Грир или о Мадонне, о кока-коле или о макаронах с сыром. Точно такие же разговоры я слышу в реальной жизни» [Пири 2007: 26]. Обилие обиходных реплик и веток диалогов подтверждается и цифрами: проведенный в 2021 году анализ сценариев пяти фильмов Квентина Тарантино показал, что

доля фрагментов, в которых реализуется обиходно-практическая тональность, составляет от общего хронометража:

- «Бешеные псы» — 26%,
- «Криминальное чтиво» — 33%,
- «Бесславные ублюдки» — 35%,
- «Джанго освобожденный» — 36%,
- «Однажды в... Голливуде» — 48% [Лихачева 2021: 74].

Для массового зрителя затянутые диалоги на далекие от сюжета темы — черта, относящаяся если и не исключительно, то преимущественно к фильмам Тарантино, и ассоциирующаяся в основном с его творчеством. Кинокритик и автор документального фильма о режиссере Николае Никулин в предисловии к биографии Тарантино Тома Шона пишет о «фирменных диалогах режиссера»: «Они [персонажи], как и в жизни, говорят о какой-нибудь “фигне”, и это выглядит забавно. В конце концов, давно пора официальному искусствоведению добавить к двум вечным темам в культуре — любви и смерти — третью: “фигню» [Шон 2017: 4].

Разумеется, темами диалогов персонажей Тарантино является не только что-то отвлеченное и ненужное сюжету. Любопытно скорее то, насколько равнозначны, одинаково важны и представлены в фильмах реплики ни о чем и реплики, важные сюжетно / характеристически / философски. Приведенные выше цифры говорят о том, что обиходное может занимать от четверти до половины всего сценария. Частые и продолжительные разговоры персонажей не по теме, без цели и без сюжетной значимости были поначалу чем-то удивительным для массового зрителя, чем-то, что вызывало недоумение как прежде не встречавшееся. Такой подход к достижению жизнеподобия, к созданию атмосферы в диалогах закрепился за Квентином Тарантино, несмотря на то что за сто лет до него эту же идею одним из первых высказывал и реализовывал Антон Павлович Чехов.

В разъяснении творческого кредо Антон Чехов утверждает уже знакомые нам идеи о необходимости показывать разговоры *ни о чем*, поскольку именно такими бывают разговоры в реальности: «Требуют, чтобы герой, героиня были сцениче-

ски эффектны. Но ведь в жизни не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви. И не каждую минуту говорят умные вещи. Они (люди) больше едят, пьют, волочатся, говорят глупости. И вот надо, чтобы это было видно на сцене. Надо создать такую пьесу, где бы люди приходили, уходили, обедали, разговаривали о погоде, играли в винт... но не потому, что так нужно автору, а потому, что так происходит в действительной жизни» [Чехов 1986: 315]. Так, творчество Чехова тяготеет даже не к принципу «обычные люди в обычных обстоятельствах», а к принципу — *скучные люди в скучных обстоятельствах*. Называем мы это так без капли упрека или иронии с нашей стороны, поскольку с позиции сторителлинга, насыщенности событиями и яркими диалогами реальность в сущности скучна. Поэтому жизнеподобные диалоги персонажей оказываются разговорами о пустяках, о быте и в сущности ни о чем.

Создание реплик и художественных деталей не для автора и читателя, а для жизнеподобия и атмосферы — то, чем Антон Чехов удивлял своих современников, а Квентин Тарантино — своих. А.П. Чудаков пишет, что в дочеховской традиции каждая мелочь должна была быть целесообразной, в то время, когда А. Чехов тяготеет к «случайной, нехарактеристической детали, не имеющей прямой отношения к герою или сцене» [Чудаков 1971: 152]. Продолжая проводить аналогию, мы можем сказать то же о деталях Тарантино: например, длительный диалог о том, как во Франции называют разные бургеры («Криминальное чтиво») не говорит ничего ни о сцене, ни о персонажах, и в рамках сюжета сообщает зрителю лишь один факт — Винсент Вега был во Франции. Но этот факт в масштабах фильма несоизмерим с тем, какое время уделяется разговору персонажей о бургерах. Диалог кончается совершенно нецелесообразными репликами:

«Джулс: *А как они называют Вонпер?*

Винсент: *Не знаю, я не заходил в Бургер Кинг*» [Шон 2017: 20].

Том Шон комментирует этот диалог: «Менее значительный писатель сделал бы финал более остроумным, но слух

Тарантино выискивает что-то, что кажется правдивым благодаря маленьким заминкам и остановкам, которые прерывают повседневное общение» [Там же]. Реалистичность достигается неловкостью и паузой, задается вопрос, который не нужен сюжету и на который не будет ответа. Фрагмент не имеет связи с развитием событий, последние реплики не дают характеристику персонажей, в них нет шутки, но Тарантино всё равно включает тупиковый диалог в сценарий ради достижения жизнеподобия. Тупиковые диалоговые ветки мы часто видим в «Вишневом саде» Антона Чехова, особенно в разговорах с Фирсом:

«Фирс (Гаеву). *Извольте, сударь, надевать, а то сыро.*

Гаев (надевает пальто). *Надоел ты, брат.*

Фирс. *Нечего там... Утром уехали, не сказавшись.* (Оглядывает его.)

Любовь Андреевна. *Как ты постарел, Фирс!*

Фирс. *Чего изволите?*

Лопухин. *Говорят, ты постарел очень!*

Фирс. *Живу давно. Меня женить собиравались, а вашего папаши еще на свете не было... (Смеется.) А воля вышла, я уже старшим камердинером был. Тогда я не согласился на волю, остался при господах...*

Пауза» [Чехов 1986: 221].

В пьесе 34 раза используется «пауза», и зачастую это неловкое молчание либо после сюжетно незначительной реплики, либо в поисках такой реплики для заполнения пустоты. Персонажи неловко молчат, слова повисают в воздухе, не ведут к развитию событий и противоречат действиям. «Вишневый сад» кончается неоднократным повторением «*надо ехать*», «*пора ехать*», «*ехать бы нам*» [Чехов 1986], но персонажи всё не уезжают до последнего.

Дочеховская традиция драматургии отводила речи персонажей прагматичную роль, каждая реплика причинно-следственно связывалась с сюжетным действием. Чеховские же герои, обедая, играя в карты, разговаривают о погоде и о бытовых происшествиях: «сестры обсуждают и осуждают Наташу и Андрея; дядя Ваня и Астров — профессора Серебрякова

и его жену; герои «Вишневого сада» много и заинтересованно говорят о предстоящей продаже имения Раневской и неизбежных изменениях в их личной судьбе» [Богданов 1980].

А.С. Собенников, анализируя диалог в пьесе «Безотцовщина», пишет о реплике Саши: «Времени не было... Миша клетку починая, а я в церковь ходила... Клетка поломалась, и нельзя было соловья так оставить», отделяя сюжетно важный факт, что Саша ходила в церковь, от бытового и незначительного о сломанной клетке, хотя в реплике эти факты равнозначны. «Чехов дает образ неотобранного мира, где действительно-важное соседствует с эпически-случайным, подробным» [Собенников 1988: 245]. Тот же подход мы видим у Тарантино: среди рассуждений о массаже ног всё в той же сцене из «Криминального чтива» скрывается информация, продвигающая сюжет: Винсенту Вега предстоит провести вечер с женой босса Мией Уоллес. Но эта информация и страх Винсента по этому поводу находятся по соседству с мнениями героев о том, что на самом деле значит массаж ног.

Подход Чехова к созданию диалогов Собенников описывает следующим образом: «"Многослойность" диалога в значительной степени определяют две категории — быта и бытия. Разговор героев вертится вокруг будничных, повседневных тем и вдруг «взрывается» лирическим самовыражением» [Собенников 1988: 248]. То есть незначительные разговоры «ни о чем» соседствуют с главными, действительно важными, не отделяясь от них никак, смешиваясь и становясь столь же значительными. В финальной сцене «Вишневого сада» бытовые реплики про сиплый голос Епиходова, потому что он «сейчас воду пил, что-то проглотил», про калоши: «Петя, вот они, ваши калоши, возле чемодана. И какие они у вас грязные, старые...» стоят рядом с репликами «Прощай, старая жизнь!» и «Здравствуй, новая жизнь!» [Чехов 1986: 253]. В «Чайке» Сорин и Дорн обсуждают, стоит ли бросать пить и курить, когда Маша поднимается и уходит со своего места со словами «Ногу отсидела» [Чехов 1986: 24], чем вызывает короткий диалог оставшихся о том,

как она несчастна, но разговор сразу же возвращается к пустой дискуссии о том, лучше ли жить в городе или в деревне. Такое соседство важного и незначительного, такое обилие бытовых деталей о калошах, о ноге, которую отсидели, создает в текстах Антона Чехова *иллюзию неотредактированной реальности*.

Обилие не привязанных к сюжету реплик, разговоров на отвлеченные темы, неловких пауз и заминок, тупиковых веток диалогов позволяет авторам сократить стилистический, формальный и содержательный разрыв между сценической речью / киноречью и живой коммуникацией. Обоих рассматриваемых авторов часто сравнивают с Сэмюэлом Беккетом. Рассуждая об особенностях диалога, о замене действия диалогом, исследователи пишут, что Сэмюэл Беккет опирался на Антона Чехова и учился у него [Трэси 1997: 585]; другие рассуждают о том, что Квентин Тарантино учился у Сэмюэла Беккета [Шон 2017: 98]. Но эту триаду авторов мы расположили бы не по прямой преемственности, а по параболе, где по оси X время и имена, а по оси Y степень проявления диалогов ни о чем и цель их использования. Беккет, наследуя прием Чехова, доводит его до крайней степени, персонажи «В ожидании Годо» говорят ни о чем не просто часто, а почти всегда. Автор это делает не с целью изобразить жизнеподобие, а с целью довести до абсурда. Тарантино берет тот же прием и возвращает его к исходной позиции — возвращает соотношение обиходного и значимого на прежний уровень и декларирует в качестве цели достижение реализма, как было изначально у Чехова.

Разумеется, следовало бы расположить на этой параболе преемственности и других авторов, через которых возможно происходило заимствование, но на настоящий момент мы не можем с уверенностью говорить ни о прямом, ни о косвенном наследовании. Квентин Тарантино в интервью не упоминал Антона Чехова, но четко обозначил автора, у которого учился писать диалоги — это Элмор Леонард. Тарантино говорит, что роман Леонарда «впервые открыл мои глаза на драматургические возможности повседневной

речи. <...> Он мне показал, что персонажи могут вдаваться в ненужные подробности, и эти подробности так же важны, как и всё остальное. Точно так же говорят обычные люди» [Шон 2017: 122]. Однако же этот автор криминальной литературы и вестернов мало изучен русскоязычными исследователями, среди же англоязычных источников он едва ли сопоставляется с Чеховым. В рецензии литературного журнала *The Southern Review* на книгу Salvatore Scibona «The End» диалоги Чехова и Леонарда противопоставляются: «Scibona excels at dialogue, and not the hard-boiled breed of banter that wins Richard Price and Elmore Leonard so much praise, but dialogue as Franz Kafka, Anton Chekhov, and Samuel Beckett understood it: verbal interaction is for dramatizing confusion, for revealing the individual mindspace of the character speaking, and not for advancement of plot or the summing up of events» [Scibona 2009]. В пользу того, что авторов объединяет если не исключительно, то преимущественно Квентин Тарантино, говорит тот факт, что сопоставление удалось найти в книге интервью режиссера, однако автор книги Дж. Пири лишь называет любовную линию в книге Леонарда почти Чеховской: «love story which was almost Chekhovian» [Peary 2013: 13]. Так, пути заимствования приема и способы его развития у разных авторов — тема, требующая дальнейших исследований.

Творческий подход Антона Павловича Чехова связан не столько с созданием действия, сколько с созданием атмосферы, «настроения», жизни. Эта позиция проявляется в написании особых диалогов, в которых преобладает незначительное. Такой подход вызывал непонимание и негодование критиков тех лет, но стал отличительной чертой драматурга, опередив и предвосхитив тенденции в драматургии XX века. Жизнеподобные диалоги «ни о чем» впервые столь широко стали использоваться именно Антоном Чеховым, но с 1990-х годов этот прием перенял Квентин Тарантино, аргументируя это так же, как и Чехов: диалоги должны быть «как в реальной жизни». Тарантино вслед за Чеховым маскирует крупницы важного в обилии неважного, позволяет своим персонажам го-

ворить о том, о чем они сами хотели бы говорить, и не вычищает из текста реплики на том лишь основании, что они не продвигают сюжет. Прием диалогов «ни о чем» существует для создания атмосферы, для придания происходящему иллю-

зии реальной жизни. В киноиндустрии, да и в массовой культуре этот прием сейчас принято называть «тарантиновскими диалогами», но важно помнить, что за новыми приемами новых художников неизбежно стоят художники прошлого.

Литература

1. Богданов В. Предчувствие будущего // Чехов А.П. Вишневый сад: Пьеса / предисл. В. Богданова. — М.: Детская литература, 1980. — 96 с. — С. 3–22.
2. Духовная Т.В. Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2014. — № 3. — С. 22–25.
3. Лихачева Т.С. Особенности реализации обиходно-практической тональности в кинодискурсе Квентина Тарантино / Т.С. Лихачева, Н.В. Стрепетова, Д.С. Бикус // Вестник Челябинского государственного университета. — 2021. — № 4 (450). — С. 73–80.
4. Пири Дж. Квентин Тарантино: Интервью — СПб : Азбука-классика, 2007. — 213 с.
5. Собенников А.С. Поэтика диалога в драматургии А.П. Чехова (о функциональной роли словесного символа в драматическом тексте) // Проблемы метода и жанра / Ответственный редактор: Ф.З. Канунова. — Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1988. — С. 243–252.
6. Трэси Р. Чехов и ирландский театр / Р. Трэси, В. А. Ряполова // Литературное наследие. — 1997. — Т. 100. — № 1. — С. 569–595.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах / М.: Наука, 1972–1987. Т 12, 1986. 408 с.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах / М.: Наука, 1972–1987. Т 13, 1986. 530 с.
9. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. — М.: Наука, 1971. — 289 с.
10. Шон Т. Тарантино. От криминального до омерзительного: все грани режиссера / Том Шон — Исправленное издание / предисл. Николая Никулина. — М.: Эксмо, 2019 — 256 с.
11. Peary G. (ed.). Quentin Tarantino: interviews, revised and updated. — Univ. Press of Mississippi, 2013.
12. Scibona, Salvatore. The End. Соединенные Штаты Америки, Penguin Publishing Group, 2009.

Talking about nothing: on Chekhov's and Tarantino's dialogues

Yuliya Afonina,

Lomonosov Moscow State University

E-mail: poetische@mail.ru

The article compares artistic methods of A. Chekhov and Q. Tarantino in creating dialogues. Both authors use long dialogues that do not advance the plot, but serve as a means to achieve realism. Characters talk about everyday and abstract topics, talk about nothing. However, plot-relevant information is included in the flow of everyday speech. Both authors express similar ideas about the content of the dialogues. The goals and means of creating everyday dialogues in A. Chekhov's and Q. Tarantino's texts also largely coincide.

Key words: Anton Chekhov, Quentin Tarantino, dialogue.

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-4-28-41

«Одноэтажная Америка» ИльфПетрова — два почерка одного писателя

П.А. Мамышева,

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: p.a.mamysheva@gmail.com

В статье атрибутируются главы путевого очерка И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка». 20 глав книги написал Ильф, 20 — Петров, 7 соавторы написали вместе. До сих пор оставалось неясным, кому из писателей принадлежит какая глава и что было написано сообща. Путевые очерки сопоставляются с «американскими» дневниками Ильфа и письмами Ильфа и Петрова из США в СССР. Анализ их стиля и содержания позволяет определить авторство большинства глав травелога и уточнить атрибутирование, предложенное Л.М. Яновской.

Ключевые слова: И. Ильф и Е. Петров, «Одноэтажная Америка», травелог, дневник, текстология.

«Смотрите, с вами обязательно произойдет недоразумение. Ведь вы всегда пишете вдвоем, так что формально вы не два писателя, и один. Вот вас и зачислят на довольствие как одного человека» [Ильф 2021: 201], — говорил Ильфу и Петрову знакомый художник.

Его слова оказались пророческими: до сих пор творческий союз «загадочной еврейской души» и «загадочной славянской души» воспринимается как один писатель — ИльфПетров.

Только одного не предвидел проницательный художник. Не все свои тексты Ильф и Петров написали вместе.

Работу над «Одноэтажной Америкой» Петров описал так: «Это было первое произведение, которое мы сочиняли порознь — двадцать глав написал Ильф, двадцать глав написал я, и семь глав мы написали вместе, по старому способу» [Воспоминания об И. Ильфе и Е. Петрове 1963: 12].

В США соавторы поехали в 1935 году. 7 октября на пароходе «Нормандия» они прибыли в Нью-Йорк. Взяв в аренду «форд» и найдя проводника (мистера Трона, который в травелоге превратился в мистера Адамса), они дважды пересекли Америку из конца в конец.

Работа над травелогом началась еще в путешествии: 24 ноября 1935 г. в «Правде» печатается первый очерк Ильфа и Петрова о США — «Дорога в Нью-Йорк». «Одноэтажная Америка» была закончена летом 1936 г. и опубликована в журнале «Знамя» (№ 10, 11). Ильф печатал главы на машинке, Петров — писал от руки. При этом травелог невозможно разделить на части без специального исследования. Книга получилась цельной: в каждой главе чувствуется присутствие обоих авторов.

Ю. Олеша много лет дружил с Ильфом (они познакомились в 1920 г.) и знал его стиль. В очерке «Об Ильфе» он привел отрывок из «Одноэтажной Америки», в котором, по его мнению, ярко проявлялся взгляд его друга на жизнь [Воспоминания об И. Ильфе и Е. Петрове 1963: 32–33]. Олеша считал, что цитирует Ильфа, но глава «Негры», о которой он говорил, была написана Петровым.

Мы взяли на себя смелость сделать то, что не удалось даже близкому другу Ильфа: определить, какие главы «Одноэтажной Америки» принадлежат Ильфу, какие — Петрову, а какие были написаны ими вместе.

Решение этой задачи кажется нам важным по следующей причине.

Дневники Ильфа относятся к документальному жанру, в то время как получившийся травелог — это сплав художественного, документального и публицистического жанров. Средства, с помощью которых произошла трансформация одного жанра в синтез нескольких, пока не были найдены. Атрибутирование глав «Одноэтажной Америки» может облегчить поиск этих средств.

Для распределения глав по авторам мы привлекали не только дневники Ильфа, но и письма, которые Ильф и Петров писали женам во время путешествия. В «Одноэтажную Америку» из дневников и писем перешли эпитеты, сравнения и ироничные замечания об американской жизни.

Исследователи уже предпринимали попытку указать авторов некоторых глав.

Так, Л.М. Яновская считала, что «в основном Е. Петровым были написаны главы: “Аппетит уходит во время еды”, “Америку нельзя заставить врасплох”, “Лучшие в мире музыканты” (неудивительно: Е. Петров был прекрасно музыкально образован), “День несчастий”, “Пустыня”, “Юный баптист”. Главным образом Ильфу принадлежат главы: “На автомобильной дороге”, “Маленький город”, “Солдат морской пехоты”, “Встреча с индейцами”, “Молитесь, взвешивайтесь и платите”. А к написанным вместе можно отнести главы: “Нормандия”, “Вечер в Нью-Йорке”, “Большой маленький город”, “Американская демократия» [Яновская 1969: 27–28].

При атрибутировании глав Яновская опиралась на архив. Она указывала, что «около половины глав в сохранившейся рукописи книги написаны почерком Петрова. Остальные — на машинке, той самой приобретенной в Америке машинке с характерным мелким шрифтом, на которых отпечатаны и записные книжки Ильфа последних лет. Этим главам несколько больше половины, по-видимому, потому, что некоторые из них писались сообща» [Яновская 1969: 27].

Мы не во всем согласны с Л.М. Яновской. У нас есть доказательства того, что

глава «День несчастий», скорее всего, была написана Ильфом. Сложности также возникают с авторством главы «Пустыня», о чём подробнее будет сказано ниже.

Общие главы, по мнению Яновской, «соответствуют семи очеркам о поездке, печатавшимся в “Правде”» [Яновская 1969: 27]. Следовательно, кроме глав, перечисленных Яновской, совместно были написаны главы «Пустыня», «Капитан Икс» и «Четыре стандарта»: им соответствуют очерки, опубликованные в главной газете СССР 5 января, 18 октября и 5 сентября 1936 года.

В некоторых главах встречаются цитаты как из дневников Ильфа, так и из писем соавторов к женам. Это тоже подтверждает, что писатели работали над главой сообща. Например, рассказывая жене о Голливуде, Ильф обращает внимание на одни детали, а Петров — на другие. Многие описания перейдут в главу про Голливуд.

Ильф пишет Марии Николаевне, что в Голливуде «ослепительный свет, но впечатление, что светит не солнце, а какая-то **горячая луна**» [Ильф, Петров 2020: 473]. Этот оборот перейдет в главу «Четыре стандарта»: «В солнце нет ничего солнечного, оно похоже на **горячую луну**, хотя и греет очень сильно» [Ильф, Петров 2020: 313].

Петров тоже упоминает странное голливудское солнце, но его удивляет другое: «Сильное, резкое солнце. Поэтому — **резкие тени**. <...> Сбивающая с ног вонь от **бензинового перегара**» [Ильф, Петров 2020: 474].

Эта характеристика Голливуда дополняет впечатления Ильфа и тоже включается в очерк об Америке: «**Плотные черные тени** падали на асфальтовую землю. <...> В воздухе всё время ощущается какая-то болезненная сухость, и **запах отработанного бензина**, пропитавшего город, несносен» [Ильф, Петров 2020: 313].

Из письма к Марии Николаевне в первую главу травелога («Нормандия») также переходит ключевое впечатление Ильфа от парохода, на котором писатели

прибыли в Нью-Йорк. Ильф пишет жене: «В шторм она [«Нормандия» — П.М.] еще похожа на пароход, по крайней мере качает. А в тихую погоду это просто громадная гостиница с роскошным видом на море» [Ильф, Петров 2020: 422]. В «Одноэтажной Америке» этот фрагмент письма приводится с минимальными изменениями: «И вообще «Нормандия» похожа на пароход только в шторм — тогда ее хоть немного качает. А в тихую погоду — это колоссальная гостиница с роскошным видом на море» [Ильф, Петров 2020: 14].

С письмом Петрова к Валентине Леонтьевне первая глава не перекликается дословно (хотя он довольно подробно рассказывает жене о «Нормандии»), но в нем встречается упоминание о будущем очерке для газеты: «Мы, вероятно, напишем в “Правду” о пароходе, и ты прочтешь более подробное описание» [Ильф, Петров 2020: 426].

Говоря о первой главе, нельзя не сказать о важном изменении, которое происходило с дневниковыми записями Ильфа при переносе их в книгу. Так, 7 октября Ильф записывает: «Вчера на концерте я был свидетелем неслыханного позора некрасивой девушки в серебряном платье. При **оскорбительных усмешках** она пела «Parlez-moi d’amour», **ужасно. И некрасива она просто сверхъестественно**» [Ильф 2000: 426]. В «Одноэтажной Америке» та же ситуация описана совершенно иначе: «Потушили свет и навели прожектор на маленькую эстраду, куда, дрожа всем телом, вышла **изможденная девица** в серебряном платье. Оркестр, составленный из профессионалов, смотрел на нее с жалостью. Публика **поощрительно заплодировала**. Девица конвульсивно открыла рот и сразу же его закрыла. Оркестр терпеливо повторил интродукцию. В предчувствии чего-то ужасного, зрители старались не смотреть друг на друга. Вдруг девица вздрогнула и запела. Она пела известную песенку “Говорите мне о любви”, но так **тихо и плохо**, что нежный призыв никем не был услышан. В середине песни девица неожиданно убежала с эстра-

ды, закрыв лицо руками» [Ильф, Петров 2020: 19].

Эпизод, который в дневнике Ильфа был описан как негативный, в травелогге приобрел комичный характер и превратился в смешную историю.

Надо признать, что дословные совпадения с текстом писем или дневника не всегда помогают установить авторство главы. Например, события, описанные в главе «Американская демократия», упоминаются как в дневнике Ильфа, так и в письмах к Марии Николаевне и Валентине Леонтьевне. При этом в травелогге нет ни одной явной цитаты ни из писем, ни из дневника.

В таких случаях для атрибутирования главы мы обращались к публикациям «Правды». Глава «Американская демократия» вышла отдельным очерком 18 июня 1936 г., поэтому, вероятно, была написана соавторами вместе.

Здесь, однако, появляется логическое противоречие.

Яновская, с одной стороны, пишет, что глава «Пустыня» была написана в основном Петровым [Яновская 1969: 28], а с другой стороны, говорит, что главы, написанные им в соавторстве с Ильфом, соответствуют очеркам в «Правде». При этом 5 января 1936 г. в газете вышел очерк, содержание которого почти полностью совпадает с содержанием главы «Пустыня».

Мы также склонны считать, что глава «Пустыня» принадлежит Петрову (несмотря на то, что она была напечатана в «Правде»), а совместно была написана глава «Беспокойная жизнь» (которая не была напечатана в газете).

В письме Петрова к жене встречаются замечания, косвенно связанные с содержанием главы «Пустыня». Писателя поражает местность, в которой он оказался. Он пишет Валентине Леонтьевне: «Попадаем в такие **места, где, безусловно, не ступала нога советского человека**» [Ильф, Петров 2020: 459]. В двадцать пятой главе травелога сказано: «Край, в который мы заехали, **был совершенно глух и дик**» [Ильф, Петров 2020: 217].

Петров обращает внимание на погодные условия, в которых приходится путешествовать. «Последние два дня были тяжеловаты — шел **то снег, то дождь**, дорога была трудная», — сетует он в письме от 26 ноября [Ильф, Петров 2020: 459]. Через два дня он напишет Валентине Леонтьевне: «После **дождей, снега и прочего** — чудное солнце, синее небо, скалы, иней и вообще — неслыханные красоты» [Ильф, Петров 2020: 460].

В «Одноэтажной Америке» читаем: «Мы весело катили по пустыне, совершенно позабыв о вчерашних ужасах. Уже казалось невероятным, что **на свете существуют грязь, снег, холод**» [Ильф, Петров 2020: 219].

Разумеется, о дожде, снеге и холоде мог написать и Ильф, но нам кажется важным, что именно Петров обратил на них внимание в письмах к жене. Ильф упоминает плохую погоду в письме от 26 ноября, но содержание этого письма явно соотносится с главой «День несчастий» и к главе «Пустыня» отношения не имеет. Ильф пишет жене о разноцветной пустыне. К письму он прикладывает фотографию: «...на фотографии — окаменевшие деревья. Понадобилось только **70 миллионов лет, и деревья превратились в разноцветный мрамор**» [Ильф, Петров 2020: 459].

Нам кажется, что косвенным доказательством авторства главы «Пустыня» может служить то, что в «Одноэтажной Америке» о тех же самых деталях сказано по-другому: «На этом месте **несколько десятков миллионов лет** тому назад рос лес. <...> Деревья приобрели **твердость мрамора**» [Ильф, Петров 2020: 220]. Вероятно, если бы главу писал Ильф, из письма в травелог перешло бы указание и на точное количество лет, и на сходство деревьев с разноцветным мрамором. Однако в книге конкретное число лет не называется, а сравнение с мрамором указывает на прочность деревьев, но не на цвет.

Обратимся теперь к главе «Беспокойная жизнь». Эта глава не была напечатана отдельным очерком в «Правде», и нам не удалось найти в ней дословных совпа-

дений с дневником Ильфа или с письмами авторов домой. Однако содержание главы, на наш взгляд, говорит о том, что она была написана совместно: маловероятно, что итоги поездки по США кто-то из соавторов подводил в одиночку.

Вернемся к главе «День несчастий», в атрибутировании которой мы не можем согласиться с Л.М. Яновской.

В главе встречаются точные цитаты из дневника Ильфа.

26 ноября Ильф записывает: «**Выехали из Альбукерке в ужасное утро**. Красивые долины, тотем, монастыри, миссии — всё залито серой водой. Чудный просвет зеленого неба среди ужасной хмари. Дождь прекратился, стали подниматься и вышли на **громадное плато**. Растаявший снег, вода. **Светло и холодно, как весной**» [Ильф 2000: 456].

В травелог очередную день путешествия описан так: «**Мы выезжали из Альбукерка в ужасное утро**. Красивые глинобитные домики, <...> монастыри, аптеки, старинные испанские миссии <...> — всё было залито серой дождевой водой. <...> Вдруг среди ужасной хмари появился **чудный просвет зеленого неба**. <...> Дождь прекратился, и выглянуло солнце. <...> Подымаясь всё выше, автомобиль выехал наконец **на громадное плато**. Дорогу завалил **тающий снег** и лед. **Было светло и холодно, как весной**» [Ильф, Петров 2020: 210].

Одного этого фрагмента, на наш взгляд, хватило бы для доказательства того, что Ильф был если не единственным автором, то по крайней мере соавтором двадцать четвертой главы. Приведем, однако, еще две цитаты.

В тот же день, 26 ноября, Ильф отмечает в дневнике: «Джин в хижине. **Девушка с короткими рукавами, в брюках**» [Ильф 2000: 456].

В «Одноэтажной Америке» тезисная запись будет развернута до небольшого описания: «В самой высокой точке перевала оказалась полуразвалившаяся бревенчатая хижина с вывеской “Кафе-бар”. Там торговала **девушка в бриджах**,

сапогах и тонкой кофточке с короткими рукавами. <...> Мы выпили по стаканчику джина, согрелись и отправились в путь» [Ильф, Петров 2020: 211].

Мы не сомневаемся, что Петров тоже был в хижине «Кафе-бар», тоже пил джин и тоже видел девушку в бриджах. И при этом мы не сомневаемся, что Петров бы преобразовал увиденное в историю совершенно иначе, нежели Ильф.

Г.А. Жиличева писала: «...если Петров интерпретирует и рефлексивизирует ситуацию видения, то Ильф воспроизводит само зрелище. <...> Тяготение Ильфа к колористической, а не к идеологической рефлексии коррелирует с его серьезным увлечением фотографией» [Жиличева 2018: 33].

На наш взгляд, в главе «День несчастий» материал трансформируется в нарратив способом, больше характерным для Ильфа, а не для Петрова.

Следовательно, есть два варианта атрибутирования главы: либо она была написана Ильфом и Петровым совместно, либо ее писал преимущественно Ильф. Поскольку главы, написанные соавторами вместе, могут быть указаны довольно точно (благодаря публикациям очерков в «Правде» и цитатам из писем обоих авторов), мы считаем, что глава «День несчастий» была написана Ильфом.

Перейдем к тем главам, которые не были атрибутированы Яновской.

Мы предполагаем, что в первой части книги Петрову принадлежат главы «Что можно увидеть из окна гостиницы», «Папа энд мама», «Мы покупаем автомобиль и уезжаем». Такой вывод мы делаем на основании того, что в дневнике Ильфа почти не упоминаются факты и эпизоды, описанные в этих главах.

Что касается писем Ильфа и Петрова к женам, то их содержание перекликается с событиями, о которых говорится в первых главах травелога, но точных совпадений с текстом путевых очерков в них нет.

Ильфу же, скорее всего, принадлежат две главы первой части: «Мы ищем ангела без крыльев» и «Электрический стул». В обоих можно найти совпадения с пись-

мами Ильфа к Марии Николаевне или с дневником. Так, переходит из письма в травелог основное впечатление, которое произвел на Ильфа Нью-Йорк (глава «Мы ищем ангела без крыльев»). В письме Марии Николаевне сказано: «Сейчас вечер, тепло, и в первый раз за все мои дни в Нью-Йорке идет маленький неслышный дождь. Но даже если бы была гроза с громом и молнией, то и ее было бы не слышно. Город сам гремит и сверкает почище любой бури. Это мучительный город, он заставляет всё время смотреть на себя, от этого города глаза болят» [Ильф, Петров 2020: 429].

В «Одноэтажной Америке» Ильф почти дословно повторяет свое письмо жене: «На улице падал маленький неслышный дождь. Но если бы даже была гроза с громом и молнией, то и ее не было бы слышно. Нью-Йорк сам гремит и сверкает почище всякой бури. Это мучительный город. Он заставляет все время смотреть на себя. От этого города глаза болят» [Ильф, Петров 2020: 51].

Рассказывая Марии Николаевне о посещении тюрьмы Синг-Синг, Ильф пишет: В остальном тюрьма очень культурная. <...> За исключением старого корпуса, построенного еще в 1825 году. Это уже **совсем султанско-константинопольская темница**» [Ильф, Петров 2020: 446].

Такое определение повторяется в главе «Электрический стул»: «— В новых корпусах, — сказал наш спутник, — помещается тысяча восемьсот человек. Остальные пятьсот находятся в старом здании, построенном сто лет тому назад. Пойдемте.

Вот это уже была настоящая **султанско-константинопольская тюрьма**» [Ильф, Петров 2020: 65].

Кроме того, 5 ноября 1935 г. Ильф записывает в дневнике фактические сведения о Синг-Синг, которые в главе будут развернуты в подробное описание тюрьмы: «5 ноября. <...> Сегодня еду в Синг-Синг. 2299 сидит: из них 15 казнить, 85 на всю жизнь. 200 м[ужчин] и 3 ж[енщины],

4 скамьи, умыв[альный] столик, верхний свет» [Ильф 2000: 442].

Во второй части травелога главы распределяются между авторами следующим образом.

Ильфу принадлежат главы «Электрический домик мистера Рипли», «Дирборн», «Генри Форд».

Записи от 29 октября и 11 ноября 1935 г. превращаются в «Одноэтажной Америке» в главу «Электрический домик мистера Рипли» способом, описанным Г.А. Жиличевой.

В дневнике Ильф записывает перечень предметов, виденных в домике: «Электрический домик мистера Риплей. Кухня. Приборы для тоста, для яиц, для нагревания еды, для охлаждения, нефтяная печка, вентиляция, кнопка, швейная машина, зажигалка» [Ильф 2000: 441]. В травелоге «перечень-конспект трансформируется в нарратив с помощью ответа на вопрос “что я запомнил?” и его модификаций» [Жиличева 2018: 31].

Похожим образом переходят из дневника Ильфа в книгу события 11–13 ноября, описанные в главе «Дирборн». Практически все эпизоды главы перечисляются в дневнике и потом переносятся в «Одноэтажную Америку», разворачиваясь в более подробные описания.

Разумеется, Петров был вместе с Ильфом на заводе Форда и видел примерно то же, что его соавтор, но некоторые факты, упомянутые в главе, не оставляют сомнений в том, что глава принадлежит Ильфу. Например, 11 ноября Ильф записывает: «В парикмахерской. **Серб, немец, еврей, родившийся в Иерусалиме**, и мадьяр, хваливший Б[елу] Куна» [Ильф 2000: 445]. В «Одноэтажной Америке» в слегка измененном виде встречается тот же факт: «В парикмахерской на Мичиган-авеню, где мы стриглись, один мастер был **серб, другой — испанец, третий — словак, а четвертый — еврей, родившийся в Иерусалиме**» [Ильф, Петров 2020: 132].

И 11, и 13 ноября Ильф замечает одну особенность фордовского завода: «Почему на “Дженерал Электрик” есть сто-

ловая для рабочих, а у Форда нет» [Ильф 2000: 444], «Прогулка по территории завода. Сборочный цех. **Рабочие завтракают на полу**» [Ильф 2000: 445].

Деталь, дважды бросившаяся в глаза писателю, конечно, переходит в книгу: «Сэры, — сказал мистер Адамс, внезапно оживившись, — вы знаете, почему у мистера Форда **рабочие завтракают на цементном полу**? Это очень, очень интересно, сэры. Мистеру Форду безразлично, как будет завтракать его рабочий» [Ильф, Петров 2020: 131].

Посещая 13 и 14 ноября завод Генри Форда, Ильф отмечает в дневнике яркие фразы и выражения, подробно описывает поведение Форда во время разговора и его взгляды на развитие промышленности. Всё это переходит в главу «Генри Форд» с минимальными изменениями. Дневник Ильфа: «В лаборатории Эдисона. <...> Сила, молодость Эдисона. **“Пишите только то, что вы думаете. Не для Англии, не для Франции, для всего мира”**. Горячий старик в шелковой ермолочке» [Ильф 2000: 445].

Путевые очерки: «Входящих в лабораторию встречал кудрявый старик с **горящими черными глазами**. На голове у него была **шелковая шапочка**, какую обычно носят академики. Он **с жаром** занялся нами. <...> Узнав, что мы писатели, старик вдруг стал серьезным. Он торжественно посмотрел на нас и сказал: **“Пишите только то, что вы думаете. Не для Англии, не для Франции, для всего мира”**» [Ильф, Петров 2020: 138].

В главу вошло и замечание мистера Камерона [секретаря Форда — *П.М.*] о владельце завода: «Мистер Камерон сказал, что **мистер Форд циркулирует**» [Ильф 2000: 447], — записывает Ильф в дневнике и потом переносит эту фразу в травелог [Ильф, Петров 2020: 143].

Л.М. Яновская указывала, что глава «Лучшие в мире музыканты» была написана Петровым. Мы тоже так считаем, но не можем не остановиться на одной интересной детали — цвете «форда», который Ильф и Петров взяли в аренду для поездки

по США, авторы описывают диаметрально противоположным образом.

Рассказывая Марии Николаевне о путешествии, Ильф пишет, что он едет в новом «форде» «красивого серого цвета, то, что называется здесь — **цвет пушечного металла**» [Ильф, Петров 2020: 446].

Отношение его соавтора к выбранной машине сложно назвать уважительным. «Наш форд **мышинного цвета** <...> привез нас в царство самого Генри Форда» [Ильф, Петров 2020: 447], — делится с Валентиной Леонтьевной Петров.

В главе «Лучшие в мире музыканты» о временной потере машины говорится так: «Слушая рассказ мистера Адамса, мы пошли к отелю и тут, к величайшему нашему ужасу, не нашли автомобиля. Не было нашего чудного **мышинного кара**» [Ильф, Петров 2020: 159].

На наш взгляд, это показательная деталь. Она отчасти помогает атрибутировать и предыдущую, семнадцатую, главу — «Страшный город Чикаго».

В тексте есть несколько указаний на то, что автором главы, скорее всего, был Петров. Например, в письме Валентине Леонтьевне Петров пишет: «...мы водворились в отеле “Стивенс” — **самой большой гостинице в мире**» [Ильф, Петров 2020: 450]. В «Одноэтажной Америке» при описании «Стивенса» тоже будет подчеркнута эта особенность: «Судя по рекламному проспекту, это **был самый большой отель в мире**» [Ильф, Петров 2020: 149].

Ильф о размере гостиницы не упоминает ни в дневнике, ни в письме к Марии Николаевне — он указывает только, что в отеле «3 тысячи комнат» [Ильф 2000: 447].

Описывая студенческий бал в записи от 15 ноября, Ильф упоминает танцы и «оркестр на **лиловом** светящемся фоне» [Ильф 2000: 448]. В травелоге будет сказано, что «оркестр на сцене был залит **фиолетовым** светом» [Ильф, Петров 2020: 154]. Разница незначительная, но, если бы главу писал Ильф, он бы, вероятно, описал свет так же, как сделал это в дневнике.

Наконец, в главе «Страшный город Чикаго» (как и в главе «Лучшие в мире музы-

канты») опять упоминается цвет «форда», на котором писатели ездили по Америке: «И как только становилось темно, а наш **мышинный кар** проезжал по “резиденшел-парт” очередного маленького городка...» [Ильф, Петров 2020: 144].

Снова и снова — «**мышинный кар**», а не автомобиль «цвета пушечного металла».

Третья часть травелога была написана по преимуществу Ильфом (забегая вперед, скажем, что четвертую в основном взял на себя Петров). Петрову, скорее всего, принадлежат глава «На родине Марка Твена» и уже упомянутые главы «Пустыня» и «Юный баптист».

Такой вывод мы делаем на основании того, что содержание этих глав почти не отразилось в записях Ильфа. В дневнике есть краткие описания некоторых эпизодов, но нет характерных совпадений дневника (или писем Ильфа) с текстом травелога. Зато в главе «На родине Марка Твена» используется слово, характерное, скорее, для Петрова, чем для Ильфа.

Петров пишет Валентине Леонтьевне: «Это очень знаменитый городок. Здесь провел **детство** Марк Твен» [Ильф, Петров 2020: 452].

Ильф тоже рассказывал жене о доме-музее Марка Твена, но слово использовал другое: «Ганнибал — маленький город на Миссисипи, где Марк Твен провел свою **юность**» [Ильф, Петров 2020: 453].

Нам кажется, что в данном случае выбор лексемы играет принципиальную роль: в девятнадцатой главе дважды отмечается, что Ганнибал — город, в котором «великий юморист Марк Твен провел свое **детство**» [Ильф, Петров 2020: 165].

В то же время о металлургическом заводе, который соавторы видели недалеко от Чикаго, в травелоге говорится теми же словами, что и в дневнике Ильфа. 15 ноября он делает короткую заметку: «Мрачное видение завода Гэри» [Ильф 2000: 447]. В «Одноэтажной Америке» читаем: «Незадолго до Чикаго, в дожде и тумане мы увидели мрачное видение металлургического завода Гери [sic!]» [Ильф, Петров 2020: 163].

Несмотря на это, мы все-таки считаем, что глава была написана Петровым, — по причине, упомянутой выше.

В главах третьей части, написанных Ильфом, есть дословные совпадения с его дневником и письмами.

В главе «Робертс и его жена» встречаются детали, которые Ильф упоминал в письмах к Марии Николаевне. 20 ноября Ильф пишет жене о Среднем Западе: «...уже начинаются какие-то **ковбои, которые гонят стада маленьких и красивых коровок**» [Ильф, Петров 2020: 454]. В травелоге эта картина дополнится некоторыми деталями, но в главном останется неизменной: «**Два ковбоя гнали стадо маленьких степных коровок, лохматых, как собаки**» [Ильф, Петров 2020: 179].

На следующий день Ильф снова пишет письмо домой: «Сегодня ехали через северную часть Техаса. **Здесь он называется Техас**» [Ильф, Петров 2020: 456]. Особенность американского произношения Ильф упоминает и в путевом очерке: «Это Техас! **Техас, как говорят американцы**» [Ильф, Петров 2020: 179].

В дневнике Ильф записывает эпизоды, которые в двадцать первой главе превратятся в подробные истории: разговор с хич-хайкером Робертсом, завтрак в поселке недалеко от Санта-Роза и «эксидент» с молодым мексиканцем. Однако свидетелем всех этих событий был и Петров, поэтому при атрибутировании этой главы мы в основном опирались на письма Ильфа.

Перейдем теперь к главе «Санта-Фе».

В письме Марии Николаевне Ильф описывает мексиканскую кухню: «Это вкусно, но так жжет, что **без пожарной каски на голове за стол садиться опасно**» [Ильф, Петров 2020: 482]. Ироничный оборот встречается потом в «Одноэтажной Америке»: «**Решительно, сесть за такой обед без пожарной каски — невозможно**» [Ильф, Петров 2020: 192–193].

В дневнике и в травелоге с незначительными изменениями передается и реплика патера в кафедральном соборе. «Фадер торопится обедать, но очень любезен. Вошел в церковь и вдруг преклонил коле-

но. <...> Я тоже коммунист, — сказал фадер, — но, конечно, не такой, как вы. Христос был больше, чем человек, поэтому он не делает всего, что думают люди. И мы не можем об этом рассуждать» [Ильф 452], — записывает Ильф в дневнике. В травелог слова патера перейдут в слегка измененном виде: «В кафедральный собор мы попали к часу дня, но патер был так любезен, что немножко отложил свой обед. Он отпер собор, быстро и ловко преклонил колена... <...> “Я тоже коммунист, — сказал он, — но, конечно, не такой, как вы. Христос был больше чем человек. Поэтому он поступает не так, как поступают люди. И мы не можем об этом рассуждать”» [Ильф, Петров 2020: 194–195].

В некоторых главах, написанных Ильфом, проявляется ранее отмеченная нами черта: эмоциональная окраска эпизодов при переносе их из дневника в травелог меняется на противоположную. Это особенно заметно при сопоставлении дневниковых записей от 24 ноября 1935 г. с главой «Встреча с индейцами».

В дневнике Ильф описывает знакомство с индейцем так: «Стоял индеец с косами, переплетенными зеленой и красной шерстью. Сначала я принял его за бабу. <...> Баба оказался Агапито Пино, о котором, **как о клоуне**, говорил Бинер. Он позвал нас к себе. <...> В доме, в маленьком камине, пылало одно полено. <...> Агапито пел, опять пел, **предложил фотографию, взял доллар и успокоился**» [Ильф 2000: 454].

Тот же эпизод в «Одноэтажной Америке» описан иначе: «Посреди площади стояла громадная баба. <...> Когда мы спросили у нее об индейце Агапито Пина, <...> то выяснилось, что баба эта и есть Агапито Пина. <...> Агапито Пина **оказался весельчаком и балагуром**. <...> Внезапно Агапито запел индейскую песню, притопывая в такт ногой. <...> На глиняном выступе лежали фотографии индейцев, исполняющих военные танцы. Запахло поборами, как в Неаполе или Помпеях. Однако, **закончив песни и пляски, Агапито Пина вовсе не стал кланяться**

денег, совсем не пытался всучить нам фотографию. Оказалось, что **он желал просто доставить удовольствие своим гостям** [Ильф, Петров 2020: 198].

Дневниковая запись говорит о явно отрицательном отношении ее автора к Агапито Пина, а в травелоге впечатление об индейце создается ровно противоположное.

В главе «Человек в красной рубашке» можно найти развернутое описание эпизодов, которые были кратко записаны Ильфом в дневнике в последние дни ноября. В «Одноэтажную Америку» переходит диалог миссионера с соседкой (при переносе трансформируясь в разговор миссионера со своей женой) и история владельца гостиницы.

Тезисная запись дневника снова разворачивается в длинный текст главы по принципу, описанному Г.А. Жиличевой.

Во время путешествия Ильф записывает список ключевые факты, числа и события: **«20 лет. <...> 5 лет назад** не было сообщ[ения] на 200–300 миль. Вложил **200 долларов.** Гостиница. **Оленьи головы, шкура леопарда.** Нью-Йоркский стандарт. **Пианино. <...> Индейские ковры**» [Ильф 2000: 457]. В путевом очерке записанные факты разворачиваются в последовательный нарратив: «...нас встретил седоватый ковбой, хозяин домика и газолиновой станции. Он приехал в пустыню из Техаса **двадцать** лет тому назад. <...> Нужно было вложить в эту землю **двести** долларов. Ковбой был тогда еще молодым человеком. Он завел скот, построил домик, женился. **Еще пять лет** тому назад от домика **было двести миль** до ближайшей дороги, можно было ездить только верхом. <...> В его бревенчатом домике горит большой камин, на стенах **висят оленьи головы, индейские ковры и шкура леопарда** <...> Есть **пианино**» [Ильф, Петров 2020: 239].

В четвертой части травелога, как уже было сказано, две главы («Капитан Икс» и «Четыре стандарта») были написаны соавторами вместе.

Ильф написал главы «Рекорд миссис Адамс» и «Сан-Франциско». Осталь-

ные главы, скорее всего, принадлежат Петрову.

Л.М. Яновская, однако, считала, что глава «Молитесь, взвешивайтесь и платите» принадлежит Ильфу. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть этот факт: ни в дневнике Ильфа, ни в письмах соавторов в СССР нет никаких указаний на события, описанные в этой главе.

Иначе дело обстоит с тридцатой и тридцать первой главами.

1 декабря Ильф делает краткую запись в дневнике: **«Заехали на пять минут в Секвойя-парк, выбрались только поздно ночью.** Снег, лед, ужас, луна, холод» [Ильф 2000: 461]. В главе «Рекорд миссис Адамс» она разворачивается в подробное описание Секвойя-парка, а ключевые детали, упомянутые в дневнике, служат как бы опорными точками главы, вокруг которых выстраивается нарратив: **«Мы думали, что заедем на пять минут, а уже прошло четыре часа»** [Ильф, Петров 2020: 269]; **«Между вершинами нависших над бездной елей показался очень большой червонный месяц.** Спуск по **обледеневшей** дороге совершался долго» [Ильф, Петров 2020: 272].

В главе «Сан-Франциско» мы сталкиваемся с интересным совпадением. В ней есть сходство с письмами как Ильфа, так и Петрова.

Валентина Леонтьевна получила от мужа такое письмо с описанием Сан-Франциско: **«Это откуда самый приятный из всех американских городов — он одновременно похож и на Неаполь, и на Одессу, и на Нью-Йорк»** [Ильф, Петров 2020: 464].

В травелоге читаем: **«Через минуту мы уже катили по улицам Сан-Франциско. Это самый красивый город в Соединенных Штатах Америки.** Вероятно, потому, что нисколько Америку не напоминает. <...> Все остальные части Сан-Франциско — **это чудесная приморская смесь Неаполя и Шанхая»** [Ильф, Петров 2020: 280].

Мария Николаевна тоже получила письмо из Сан-Франциско. Ильф писал

об инженерах, построивших дорогу Линкольна, что «в области техники это **удивительно скромные люди**» [Ильф, Петров 2020: 465]. В «Одноэтажную Америку» эта фраза перешла почти без изменений: «Американские **техники — люди удивительной скромности**» [Ильф, Петров 2020: 282].

Мы, однако, склонны считать, что автором главы «Сан-Франциско» всё же был Ильф.

Соавторы вполне могли обменяться впечатлениями о Сан-Франциско, и Ильф мог включить в главу сравнение города с Неаполем (к тому же, в травелоге цитата из письма Петрова — неточная: если бы автором был Петров, он бы, вероятно, упомянул вместо Шанхая Одессу и/или Нью-Йорк). Что касается слов Ильфа об американских техниках, они вряд ли могли быть известны Петрову.

На автора главы может косвенно указывать еще одна деталь.

Петров в письме к жене пишет, что из окна его комнаты в Сан-Франциско виден океан, «виден пароход. Виден **знаменитый** островок со **знаменитой** тюрьмой, в которой сидит **знаменитый** бандит Аль Капоне» [Ильф, Петров 2020: 461].

В травелоге описывается «знаменитая тюрьма», но без характерного повторения эпитета: «Посреди бухты, на острове Алькатрас, похожем издали на старинный броненосец, можно рассмотреть здание федеральной тюрьмы для особо важных преступников. В ней сидит Аль Капоне, знаменитый главарь бандитской организации» [Ильф, Петров 2020: 281].

В дневнике Ильфа тюрьма не упоминается в принципе. Но нам представляется, что, если бы автором главы был Петров, он воспользовался бы возможностью и перенес ряд повторяющихся эпитетов из письма в травелог.

В главе «Четыре стандарта» есть намек на то, что Петров использовал этот прием:

«Сейчас утро, и я еще не выходил из **гостиницы “Холливуд”, что на Холливудской улице**» [Ильф, Петров 2020: 467], — пишет Петров жене;

«...остановились мы, по странному стечению обстоятельств, **на бульваре Голливуд, в отеле “Голливуд”**, помещавшемся в городе Голливуде» [Ильф, Петров 2020: 319], — читаем в путевых очерках.

Интересно, что Ильф тоже упоминает это совпадение в письме Марии Николаевне. Но относится он к нему не так, как Петров. «Живу на бульваре Голливуд, и отель тоже называется “Голливуд”. **Даже немножко противно, но так вышло**» [Ильф, Петров 2020: 468].

На наш взгляд, Петров, в отличие от Ильфа, относился к этому обстоятельству с иронией — и его ироническая интонация перешла из письма в травелог.

Поскольку глава «Четыре стандарта» была написана совместно, мы предполагаем, что за этот прием в писательском тандеме «отвечал» Петров. Отсутствие этого приема может косвенно подтверждать, что глава «Сан-Франциско», скорее всего, принадлежит Ильфу.

Остальные главы четвертой части (за исключением глав «Капитан Икс» и «Четыре стандарта», которые были атрибутированы выше), скорее всего, принадлежат Петрову. В дневнике Ильфа события, описанные в них, упоминаются очень кратко, никаких характерных совпадений травелога с дневником или письмами Марии Николаевне нам найти не удалось.

В заключительной части книги главы распределяются следующим образом. Главы «По старой испанской тропе», «День в Мексике» и «Прощай, Америка!» написана в основном Ильфом, над главой «Беспокойная жизнь» соавторы работали вместе. Остальные главы, скорее всего, принадлежат Петрову.

Само название сороковой главы — «По старой испанской тропе» — взято из письма Ильфа к Марии Николаевне: «Сегодня мы целый день ехали вдоль мексиканской границы, **по старой испанской тропе**» [Ильф, Петров 2020: 484].

Встречаются в главе и другие цитаты из писем Ильфа к жене. Например, очень интересным нам показалось сравнение кактусов с людьми: «Одни из них молились,

другие обнимались, третьи нянчили детей, а некоторые просто стояли в горделивом спокойствии» [Ильф, Петров 2020: 480]. Видимо, Ильфу нравилось это сравнение, потому что в «Одноэтажной Америке» читаем: «Одни кактусы молятся, воздев руки к небу, другие обнимаются, третьи нянчат детей. А некоторые просто стоят в горделивом спокойствии» [Ильф, Петров 2020: 354].

Из его дневника в «Одноэтажную Америку» переходит и описание Эль-Сентро. «Утром Эль-Сентро оказался грязным городом с побитыми тротуарами. Мрачный центр эксплуатации и сволочности» [Ильф 2000: 466], — заключает Ильф в дневнике. В травелог описание переходит почти дословно, Ильф только чуть-чуть смягчает его: «Эль-Сентро с его разбитыми тротуарами и кирпичными арками, Эль-Сентро, мрачный город эксплуатации и большого бизнеса...» [Ильф, Петров 2020: 354].

Путешествие по Мексике Ильф довольно подробно описывает в письме Марии Николаевне. Многие наблюдения он переносит из письма в главу «День в Мексике». Например, описание городской улицы.

Письмо Марии Николаевне: «Пахнет жареной едой, чесноком, ходят босяковатые смуглые молодые люди с гитарами, калеки просят милостыню, двести тысяч микроскопических мальчиков бегают с щетками и ящичками для чистки ботинок» [Ильф, Петров 2020: 482]. «Одноэтажная Америка»: «Здесь пахло жареной едой, пригоревшим маслом, чесноком <...> Проходили молодые люди с гитарами. <...> Калеки громко вымаливали милостыню. <...> Сотни крошечных мальчиков бегали со щетками и ящичками для чистки ботинок» [Ильф, Петров 2020: 362].

Примерно то же можно сказать об описании боя быков. В дневнике Ильф оставляет короткую запись: «Мы обедаем и идем на бой быков. 4 быка» [Ильф 2000: 467]. В то время как Мария Николаевна могла в подробностях представить арену

и сам бой: «Очень красивый и очень грубо построенный круглый цирк без крыши. Какое-то народное по характеру здание. Хорошие люди сидели на цементных сиденьях. Тем, которые боялись простудиться, продавали за десять центов матрацные подушечки» [Ильф, Петров 2020: 482].

В травелог описание будет дополнено деталями, но в главном — сохранится: «Арена была окружена амфитеатром без крыши, очень красивым и грубо построенным. Здание было по характеру народным, простым, совершенно лишенным украшений. Зрителям, которые боялись простудиться на цементных сиденьях, давали напрокат плоские соломенные подушечки в полосатых наперниках» [Ильф, Петров 2020: 363].

Главы середины пятой части принадлежат в основном Петрову. В дневнике Ильфа есть несколько записей о событиях начала января 1936 г., но характерных совпадений дневника или писем к жене с травелогом нам обнаружить не удалось.

Наконец, в последней главе путевых очерков — «Прощай, Америка!» — встречается отрывок из письма Ильфа к Марии Николаевне, причем отрывок, очень характерный для Ильфа, — печальный и задумчивый: «Сейчас в Нью-Йорке красиво. Свежо, ветер дует, солнце. Только весь день впечатление, что закат. Дома такие высокие, что солнечный свет только наверху. И уже с утра закат. Наверное, от этого грустно» [Ильф, Петров 2020: 494], — писал Ильф жене.

Читая «Одноэтажную Америку», Мария Николаевна наверняка узнала этот пейзаж: «В Нью-Йорке было свежо, дул ветер, светило солнце. <...> Но почему становится грустно в этом великом городе? Дома так высоки, что солнечный свет лежит только на верхних этажах. И весь день не покидает впечатление, что солнце закатывается. Уже с утра закат. Наверное, от этого так грустно в Нью-Йорке» [Ильф, Петров 2020: 410].

Лирическое настроение проходит через всю главу, сохраняясь буквально до последнего предложения травелога:

«Холодный январский ветер гнал крупную океанскую волну» [Ильф, Петров 2020: 416]. Так заканчивается очерк о путешествии Ильфа и Петрова по США — их последняя совместная книга.

В «Одноэтажной Америке» есть несколько глав, авторство которых нам определить не удалось. В главах «Большая нью-йоркская арена», «Грэнд-кэньон», «На гребне плотины», «Новый год в

Сан-Антонио» и «Мы выезжаем в Южные штаты» нет ни совпадений с дневником или письмами, ни особых оборотов, которые были бы характерны для кого-либо из авторов.

Предпринятая попытка распределить главы между соавторами стала еще одним подтверждением цельности «Одноэтажной Америки» и нераздельности автора Ильфпетрова.

Литература

1. Воспоминания об И. Ильфе и Е. Петрове. / Сост. Г. Мунблит, А. Раскин. М.: Советский писатель, 1963. 336 с.
2. Жиличева Г.А. Нарративные особенности травелогов И. Ильфа и Евг. Петрова // Новый филологический вестник. М.: Институт филологии и истории РГГУ, 2018. №2 (45). С. 27–38.
3. Ильф И. Записные книжки. М.: Текст, 2021. 413 с.
4. Ильф И. Записные книжки: Первое полное издание. М.: Текст, 2000. 607 с.
5. Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. М.: Текст, 2020. 511 с.
6. Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно? М.: Наука, 1969. 216 с.

“One-storied America” by Ilfpetrov — two handwritings of one author

Mamysheva Polina,
Saint-Petersburg State University
E-mail: p.a.mamysheva@gmail.com

The article attributes the chapters of I. Ilf and E. Petrov’s “One-storied America”. 20 chapters of the book wrote Ilf, 20 — Petrov and 7 were written by the authors jointly. Until now it has remained unclear which chapter belongs to which writer and what was written together. The travelogue is compared with Ilf’s “American” diaries and letters which both of them were sending from the USA to the USSR. Analysis of their style and content allows to determine the authorship of most chapters and clarify the attribution suggested by L.M. Yanovskaya.

Key words: Ilf and Petrov, “One-storied America”, travelogue, diary, textology.

Приложение.

В таблице указано авторство всех глав травелога, атрибутированных нами и Л.М. Яновской. Полу жирным выделены главы, в атрибутировании которых у нас возникли расхождения с Яновской.

Глава	Автор
«Нормандия»	Ильф и Петров
Первый вечер в Нью-Йорке	Ильф и Петров
Что можно увидеть из окна гостиницы	Петров
Аппетит уходит во время еды	Петров
Мы ищем ангела без крыльев	Ильф
Папа энд мама	Петров
Электрический стул	Ильф
Большая нью-йоркская арена	Авторство определить не удалось
Мы покупаем автомобиль и уезжаем	Петров
На автомобильной дороге	Ильф
Маленький город	Ильф
Большой маленький город	Ильф и Петров
Электрический домик мистера Рипли	Ильф
Америку нельзя застать врасплох	Петров
Дирборн	Ильф
Генри Форд	Ильф
Страшный город Чикаго	Петров
Лучшие в мире музыканты	Петров
На родине Марка Твена	Петров
Солдат морской пехоты	Ильф
Робертс и его жена	Ильф
Санта-Фе	Ильф

Встреча с индейцами	Ильф
День несчастий	Ильф
Пустыня	Петров
Грэнд-кэньон	Авторство определить не удалось
Человек в красной рубашке	Ильф
Юный баптист	Петров
На гребне плотины	Авторство определить не удалось
Рекорд миссис Адамс	Ильф
Сан-Франциско	Ильф
Американский футбол	Петров
«Русская горка»	Петров
Капитан Икс	Ильф и Петров
Четыре стандарта	Ильф и Петров
Бог халтуры	Петров
Голливудские крепостные	Петров
Молитесь, взвешивайтесь и платите!	Предположительно Ильф
Божья страна	Петров
По старой испанской тропе	Ильф
День в Мексике	Ильф
Новый год в Сан-Антонио	Авторство определить не удалось
Мы выезжаем в Южные штаты	Авторство определить не удалось
Негры	Петров
Американская демократия	Ильф и Петров
Беспокойная жизнь	Ильф и Петров
Прощай, Америка!	Ильф

Кольцевая сегментация как основное СФЕ на занятиях по чтению (уровень С1)

А.И. Павлов,

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: a.i.pavlov@spbu.ru

Статья посвящена преподаванию чтения на занятиях РКИ на продвинутом этапе и рассматривает Кольцевую сегментацию (КС) как инструмент быстрого чтения. Структура и семантика кольцевого сегмента позволяет говорить о совмещении в нём графического выделения абзаца со стилистическими особенностями расположения информации внутри СФЕ. Поэтому можно говорить о кольцевом сегменте как об экспрессивном варианте абзаца, где первое и последнее предложения составляют смысловое кольцо, а ядро содержит детали. Кольцевая сегментация при этом становится стилеобразующим приёмом, оформляя весь текст. Обладая информацией об особенностях КС, студенты эффективно и быстро усваивают основную информацию, что позволяет преподавателю сконцентрироваться, например, на анализе отдельных лексических и синтаксических конструкций. Данный подход является частью методики комплексного преподавания РКИ на продвинутом этапе и может быть применён при обучении другим языкам.

Ключевые слова: Кольцевая сегментация, кольцо, смысловое ядро, быстрое чтение, методика комплексного преподавания РКИ на продвинутом этапе, абзац, СФЕ.

Кольцевая сегментация (КС) — это «экспрессивный вариант абзаца, который заключается в выделении текстового фрагмента на основе чёткой структуры (простые предложения составляют кольцо, а между ними заключены сложные, составляющие синтагматическую разработку), выступающий только в произведениях художественной прозы» [Павлов 2003: 2]. Обладая ярко выраженной структурой, КС в наибольшей степени из всех СФЕ способна применяться в качестве приёма быстрого чтения.

При этом, как показала практика преподавания русского языка как иностранного на продвинутом этапе, данный приём вполне может использоваться и в текстах научного и официального стилей. В этом случае преподаватель сам создаёт тексты, пользуясь легко узнаваемыми особенностями КС. Дело в том, что, с одной стороны, она совпадает с абзацем, то есть читающему не нужно тратить дополнительное время на определение семан-

тических связей между предложениями. Графическое членение текста устанавливает границы развития и описания автором каждой темы. С другой стороны, можно говорить о своеобразной цепной структуре СФЕ в КС, своеобразии которой состоит в том, что тема первого предложения отрывка повторяется в виде темы не во втором, а в последнем предложении. Таким образом создаётся кольцо. Понятная экспрессивно выделенная структура КС создаёт цельность текста с позиции не только автора, но и читателя, воспринимающего текст. Если в случае любого другого СФЕ «в сознании автора и читателя одинаковому означаемому могут соответствовать разные означаемые» [Песина 2013: 62], то КС как раз предполагает создание относительно одинакового понимания главной идеи всеми реципиентами.

Это релевантно в особенности в учебном процессе, когда преподавателю важно, чтобы студенты одинаково поняли фактическую информацию.

Заметим, что разнообразие трактовок и восприятия найдёт своё отражение во время анализа ядра кольцевого сегмента. Выход в беседу в таком случае выглядит логичным и уместным. В аспекте РКИ можно говорить о том, что тексты, построенные на основе КС, одновременно представляют собой основу как для просмотрового, так и для изучающего чтения [Кондрашова 2017: 150, 152]. При этом весь процесс чётко делится на две части. Гораздо легче работать в аудитории, где все студенты имеют представление о происходящем в тексте. Именно так и происходит в случае с КС: вся группа быстро понимает основную идею текста. Следующий этап посвящён уже интерпретации, которая при всём кажущемся многообразии вполне может быть управляемой. Всё дело в принципах методики комплексного обучения, одним из основополагающих принципов которой является участие во всех заданиях лексики, изученной во время работы над аудированием. Необходимо пояснить, что каждое занятие смыслового блока основывается на видео (художественный фильм, монолог, интервью и т. д.), к которому предлагается список из 25 вопросов. Варианты ответов содержат лексические и синтаксические единицы, на основе которых строятся задания в рамках обучения другим видам речевой деятельности. Таким способом создаётся комплексность занятия с одной стороны, и его смысловая законченность — с другой. Семантический блок состоит из 10 занятий, объединённых одной общей темой.

Искусственно созданный текст

Отбор текстов для занятий в рамках методики комплексного обучения с обязательным участием КС может происходить двумя способами. Во-первых, возможно привлечь текст из классической или современной литературы. Таким мог бы стать, например, «Двойник» Ф.М. Достоевского, где КС играет стилиобразующую функцию. Однако это сопряжено с рядом объективных и субъективных труд-

ностей. Скажем, обилие субъективной модальности неопределённости и «рваный» синтаксис не только не способствуют быстрому усвоению основной информации, но и могут быть элементарно сложны для восприятия. Кроме того, тематика текста накладывает дополнительные обязательства: преподаватель должен включить в занятие текст, который удовлетворяет как семантике целого блока, так и конкретному занятию в частности. Это трудно сделать в случае с художественными текстами, а в случае с языком специальности можно говорить об исключительности текстов, оформленных по принципам КС. Причиной тому является как раз маркированность рассматриваемого СФЕ, что не отвечает принципам научного текста. Во-вторых, можно создать аутентичный текст, который бы максимально учитывал все задачи конкретно взятого задания. Как правило, к этой возможности преподаватели РКИ прибегают на начальном этапе обучения языку (уровни А1–А2). Тем не менее, на продвинутом этапе, по нашему мнению, подкреплённому практическими результатами, эффективно создание текстов, в которых когнитивный, сознательно-практический метод соседствует с суггестопедическим [Богачёва 2021: 35–36]. Кольцо будет выступать в роли актуализатора смысла, а собственно ядро будет стимулировать появление разнообразных трактовок написанного с одновременной тренировкой изученных конструкций экспрессивного синтаксиса и лексики.

Приведём пример такого текста.

Класс последний раз готовился к сдаче ЕГЭ. Учителя постоянно напоминали о необходимости довести выбор правильных вариантов на тесте до автоматизма, чтобы лучшие государственные вузы распахнули свои двери перед будущими студентами. При этом речь не шла о границе науки, который необходимо грызть ради как повышения уровня образованности, так и расширения кругозора. Складывалось впечатление, что количество правильных

ответов раз и навсегда победило качество, хотя родители Виктора рассказывали, что в их школьные и студенческие годы было всё совсем наоборот: во главу угла ставилась способность мыслить. Стоит ли удивляться тому, что Виктор пришёл в восторг от возможного отказа от Болонской системы в России. Это значило, что в скором времени можно будет вернуться к выпускным и вступительным экзаменам, что гарантировало не только повышение собственно уровня образования, но и делало сам процесс учёбы интересным. Страна стояла на пороге перемен.

Из предложений кольца (первое и последнее предложение КС) можно составить сложную конструкцию, например, со значением причины: *Класс последний раз готовился к сдаче ЕГЭ, потому что страна стояла на пороге перемен.* Это равносложное кольцо (одинаковое количество предложений на полюсах) определяет главную идею отрывка. При этом устанавливая её, студенты вспоминают синтаксис и выбирают правильный союз. Ядро КС содержит лексику и конструкции, которые студенты выучили, отвечая на вопросы к аудированию. В данном случае речь идёт об образовании как о единой теме смыслового блока и о проблемах школы, которые рассматриваются на конкретно взятом занятии. Обилие знакомой лексики (*государственные вузы, распахнуть двери, грызть гранит науки, широкий кругозор* и т. д.) позволяет, с одной стороны, с лёгкостью перейти собственно к интерпретации содержания, с другой, — задать общее направление дискуссии, исключив заведомо ложные варианты и повысив тем самым эффективность работы.

КС в научном стиле

КС как явление и каждый кольцевой сегмент упрощают и ускоряют работу преподавателя на занятиях по чтению. Тем не менее, имеется ряд существенных для нашей методики ограничений, связанных прежде всего с грамматической

природой КС. Так, в художественном тексте данный экспрессивный вариант абзаца может выполнять стилеобразующую функцию, являясь авторским кодом к пониманию содержания. В научном тексте подобная картина невозможна. Предлагаемая к рассмотрению методика, где каждый смысловой блок посвящён одной теме, адресована студентам продвинутого уровня владения языком. Она может эффективно применяться при подготовке к вступительным экзаменам в магистратуру/аспирантуру или лечь в основу базового учебника на соответствующих факультетах. Значит ли это, что КС в этом случае исключается из числа инструментов преподавателя на занятии по чтению? Естественно, нет. Тогда наиболее ярко проявляется синтез познавательного и интеллектуального планов познания. При этом преподаватель, выбирая КС, устанавливает пропорцию направленности на реализацию содержательно адекватного научного диалога и коммуникативно адекватного научного диалога [Данилевская 2010: 32]. В первом случае речь идёт о рациональной области познания, а во втором — об эмотивной, то есть эмоционально-психической. С одной стороны, преподаватель может постараться подобрать соответствующие тексты нужной тематики в учебных пособиях или статьях. С другой стороны, создание аутентичных текстов решает сразу несколько задач. Во-первых, достигается нужный ритм изучения материала. Во-вторых, очерчивается круг терминов и проблем, которые должны быть исследованы на конкретном занятии. В-третьих, есть возможность для создания логичного текста на основе КС.

Приведём пример научного текста.

Лишение свободы — один из способов борьбы с преступностью. Гражданин, совершивший противозаконное деяние и уличённый в этом, предстаёт перед судом. Если сторона обвинения предоставляет соответствующие улики совершённого пре-

ступления, а сторона защиты не может их опровергнуть, то суд в праве осудить такого гражданина и направить его в тюрьму или колонию. Тем самым опасный элемент изолируется от общества.

Апелляция — возможность добиться пересмотра дела в суде высшей инстанции. При повторном рассмотрении дела суд знакомится с вынесенным вердиктом и исследует правовую базу, на основании которой заявитель не согласился с ним. В результате, он может оставить решение суда первой инстанции без изменений или отменить его, освободив осужденного из-под стражи. В случае снижения срока заключения или оправдания гражданина апелляция считается удовлетворённой.

Как видно из приведённых расположенных контактно двух кольцевых сегментов, их кольца вводят определения терминов (в предложениях зачина) и поясняют последствия действий с ними связанных (в предложениях финала). Кольцевая сегментация, то есть оформление всего текста или большей его части подобным образом, предоставляет возможность студентам быстро ознакомиться с терминами и их функционалом.

Соотношение КС с другими СФЕ

Принимая во внимание продолжающиеся споры относительно соотношения сложного предложения и абзаца, абзаца и СФЕ, считаем, что КС способна не только стать основной текстовой единицей в рамках предлагаемой методики, но и во многом разрешить многие противоречия, если речь идёт об экспрессивном варианте повествования. Например, говоря о СФЕ и сложном предложении, отметим, что логемы, выраженные простыми предложениями, составляют кольцо сегмента, а его ядро предполагает интерпретацию на уровне СФЕ. Иными словами, замысел и реализация оформляют кольцевой сегмент, а «... снятие противопоставленности мыслительно-коммуникативных актов, образование единого мыслительного

акта с общим объектом в СФЕ ... происходит постфактум (на уровне интерпретации речи)...» [Чуланова 2010: 32].

Не менее актуальным видится вопрос с соотношением СФЕ и абзаца, единиц, которые априори не могут быть синонимами, представляя разные уровни текста — стилистический и структурный соответственно. Как известно, «текст состоит из “неких единств, объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи” и имеет “определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 139]. Для преподавания РКИ особенно важно то, что КС по сути смогла объединить в себе структурные особенности абзаца и стилистическую функцию СФЕ. Это проявляется в функционале отдельно взятого сегмента. Во-первых, он совпадает с абзацем, то есть формально обнаружить его в тексте ни для кого не составит труда. Это одновременно значит, что автор (а в случае с конструируемыми текстами речь идёт о преподавателе) определяет тему, которая должна быть реализована в определённом отрывке. Стилистические особенности КС делают его экспрессивно выделенным. Таким образом, студент не только легко делит текст на важные и законченные в смысловом отношении фрагменты, но и декодирует их в нужном преподавателю русле. Во-вторых, сегментация автоматически делает рассматриваемый приём стилиобразующим, а сам текст запоминающимся. Следовательно, достигается главная цель занятия — закрепление изученного лексического и грамматического материала в активной речи учащихся.

В заключение, нужно сказать о перспективах методики комплексного преподавания РКИ на продвинутом этапе, так как благодаря ей возможно сделать учебный процесс практически непрерывным и максимально эффективным как на краткосрочных курсах языка или при подготовке к поступлению в университет, так и в рамках программ бакалавриата.

Совершенно открытыми для исследования являются возможности рассмотренной методики для преподавания иностранных языков. Думается, что всё будет зависеть от языковой семьи и группы, в которую входит тот или иной язык. Скажем, английский, французский, ис-

панский или немецкий в полной мере соответствуют принципам методики. Языки Ближнего Востока и Азии нуждаются в дополнительном изучении на предмет преподавания на продвинутом этапе в свете обозначенных методических принципов.

Литература

1. Богачёва А.В. Методы создания искусственной языковой среды на занятиях // *Baltic humanitarian Journal*. 2021. т.10 №2 (35). С. 35–36.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 139.
3. Данилевская Н.В. К вопросу об экспрессивности в научном тексте // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2010. № 6 (12). С. 30–36.
4. Кондрашова О.А. Совершенствование языковой компетенции ИВС посредством чтения и работы с текстом по специальности // *Инновационная наука*. 2017. № 1–2. С. 149–152.
5. Павлов А.И. Кольцевая сегментация в русской прозе XIX–XX веков: диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. СПб., 2013.
6. Песина С.А. Когнитивный подход к декодированию письменной речи и проблемы коммуникации // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. №31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 60–63.
7. Чуланова А.П. Семантические особенности речевых сложноподчинённых предложений и речевых сверхфразовых единств, описывающих одну и ту же объективную ситуацию // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 341. С. 30–32.

Annular Segmentation as the main super-phrasal unity during reading classes (C1 level)

Pavlov Aleksei Igorevich,
St.Petersburg State University
E-mail: a.i.pavlov@spbu.ru

This article is dedicated to teaching reading during Russian as a foreign language on the advanced level and considers Annular Segmentation as a quick reading instrument. The structure and semantics of the annular segment allows us to find graphical selection of an extract with stylistic features of super-phrasal unity in it. That is why one can take annular segment as an expressive variant of extract, where the first and the last sentences make up a semantic ring and the core includes details. Annular Segmentation in this case becomes style forming reception, organising the whole text. Being aware about the features of AS, students understand the main information in a more effective way, which allows professor concentrate on the analysis of separate lexical or syntax constructions, for example. This method is the part of integrated teaching methodology of Russian as a foreign language on the advanced level and can be used in teaching other languages.

Key words: Annular Segmentation, ring, semantic core, quick reading, integrated teaching methodology of Russian as a foreign language on the advanced level, extract, super-phrasal unity.

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-4-47-49

Пособие «Онлайн-сервисы в гуманитарной сфере и научной деятельности»: актуальность, цели, задачи, структура

А.А. Кузнецов,

Московский государственный лингвистический университет

E-mail: Andrey-kuznecov-1992@mail.ru

Работа представляет собой обзор авторского пособия, ориентированного на повышение цифровой грамотности преподавателей высшей школы и их студентов. Актуальность настоящего пособия обусловлена международной пандемией, когда высшая школа экстренно перешла в дистанционный формат взаимодействия. Появление предлагаемого пособия облегчит преподавателям процесс использования цифровых решений. В статье описаны: целевая аудитория, структура и сферы применения указанного учебно-методического пособия.

Ключевые слова: пособие, цифровизация, ИКТ, цели, структура.

Информационные технологии стремительно развиваются во всех сферах деятельности человека. Отдельное внимание стоит обратить на цифровые решения в области образования и науки. Развитие гуманитарных наук в XXI веке идет ускоренными темпами за счёт использования средств сети Интернет. Однако, не всегда исследователи положительно оценивают роль цифровых решений в сфере образования. Е.Н. Шапинская, А.А. Лисенкова рассматривают цифровизацию гуманитарного образования через призму информационной революции и пересмотр ценностей. Авторы исследования проводят анализ взаимосвязей между кризисом языка, концом книжной культуры, информационной революцией и образованием с использованием цифровых технологий. Они приходят к выводу о том, что цифровизация ухудшает качество получаемого образования и приводит к деградации гуманитарных наук [Шапинская, Лисенкова, 2020].

Однако есть и другое, противоположное мнение о том, что цифровизация способствует развитию гуманитарного образования. Рассматривая проблематику цифровизации высшего гуманитарного образования, следует учитывать, что практическое использование цифровых решений, как таковых становится всё более простым делом (это важнейший тренд развития широкодоступных ориентированных на массового потребителя приложений ИКТ).

Ознакомление с цифровым инструментарием уже введено в большинство программ подготовки бакалавров гуманитарных направлений, но при этом изучаются, в основном, вопросы освоения способов применения программно-технических средств [Можаева, Можаева-Ренья, Сербин 2014]. Об этапах развития цифровых технологий в сфере гуманитарного образования писали А.Н. Богомолов, А.В. Тряпельников, Л.А. Дунаева, А.А. Атабекова, Э.Г. Азимов (сфера русского языка как иностранного); Н.Н. Макарова, Д.В. Васильев, Л.Г. Орчакова (сфера истории); Н.А. Цветкова, И.Т. Стадник, Г.О. Ярыгин (сфера международных отношений); С.В. Титова, А.П. Авраменко, А.Л. Назаренко, В.А. Фадеева (сфера иностранных языков); В.И. Блинов, П.Н. Биленко, М.В. Дулинов, Е.Ю. Есенина, А.М. Кондаков, И.С. Сергеев (сфера общей педагогики) и многие другие.

Представляется, что процесс цифровизации гуманитарного образования будет продолжаться в связи с постоянным развитием информационно-коммуникационных технологий в различных сферах деятельности человека. Образовательные программы вузов уже содержат в качестве обязательной литературы гиперссылки на статьи из всемирно известных цифровых библиотек, словарей, интернет-СМИ и других интернет-источников. Перед тем как перейти к описанию нашего пособия

стоит обратить внимание на ряд существующих методических изданий в области цифровизации методики преподавания гуманитарного образования.

Наиболее весомый вклад в цифровизацию методики преподавания иностранных языков внесли А.Л. Назаренко, С.В. Титова и А.П. Авраменко. А.Л. Назаренко рассматривает вопросы общей информатизации образования [Назаренко 2013]. С.В. Титова исследует вопросы использования мобильных технологий и геймификации [Титова 2019]. А.П. Авраменко продолжает исследование в области мобильных технологий и технологий дополненной реальности и VR-технологий [Авраменко 2022]. Параллельно с развитием цифровизации методики преподавания иностранных языков развивалась и методика преподавания РКИ. Исследованиями цифровизации в обучении русскому языку как иностранному занимались ведущие ученые из МГУ, РУДН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина и других вузов.

Анализируя описанные выше работы, мы приходим к выводу, что с методической точки зрения они написаны верным и корректным языком. Представим, что рядовой учитель школы и преподаватель вуза, который до пандемии не сталкивался с таким гигантским объемом цифровой информации, которую нужно не просто воспринять, а еще и применить на практике, прочитал все эти работы от начала до конца. Даже если он прочитал весь этот океан информации, посмотрел большое количество вебинаров и мастер-классов ведущих профессоров, а с применением полученных знаний возникают сложности. Они возникают из-за большого объема информации.

Для того чтобы облегчить применимость этих знаний, нами было создано учебное пособие «Онлайн-сервисы в гуманитарной сфере и научной деятельности». Данное пособие ориентировано на обучение преподавателей и их студентов навыкам продвинутой цифровой грамотности. Актуальность настоящего пособия подчеркивается повсеместным использованием социальных сервисов Веб 2.0 на всех уровнях образования от школы до вузов и систем ДПО. В существующих учебно-методических пособиях отсутствовала подробная классификация предлагаемых к использованию Интернет-ресурсов. Перед нами стояла следующая задача: описать

функциональные возможности и дидактические особенности существующих технических решений.

В основу структуры пособия легла авторская классификация социальных сервисов Веб 2.0, которая основана на целях и технических возможностях ресурсов для организации смешанного и дистанционного обучения в гуманитарном образовании [Кузнецов 2020]. Пособие включает в себя не только описания технических возможностей онлайн-ресурсов, но и вопросы и задания для самостоятельной отработки полученных знаний на практике. Это позволяет использовать пособие в качестве как самоучителя, так и учебного пособия для проведения практических занятий по дисциплинам: «Информационно-коммуникационные технологии в методике преподавания русского языка как иностранного», «Информационно-коммуникационные технологии в переводческой деятельности», «Информационно-коммуникационные технологии в исследованиях» и др.

Пособие включает в себя 2 раздела и 14 параграфов:

§1 Теоретические основы применения ИКТ в образовании: история становления.

§2 Модели дистанционного обучения и основные требования к дистанционным занятиям.

§3 Понятие и классификация социальных сервисов веб 2.0.

§4 Дополнительные критерии выбора онлайн-платформ.

§5 Qr-технология в образовании.

§6 Коммуникация в дистанционном формате: эволюция устной и письменной коммуникации с иностранными студентами в условиях пандемии.

§7 Социальные сервисы веб 2.0 для проектной деятельности и командной работы.

§8 Социальные сервисы веб 2.0: создание электронных каталогов и библиотек.

§9 Социальные сервисы веб 2.0: сервисы для работы с ментальными картами и графикой.

§10 Социальные сервисы веб 2.0: сервисы для создания интерактивных заданий.

§11 Социальные сервисы веб 2.0: облачные хранилища и создание портфолио.

§12 Социальные сервисы веб 2.0: работа с документами.

§13 LMS.

§14 Кросс-платформенная среда обучения как новый формат электронной образовательной среды.

Анализ предлагаемого учебного пособия провели эксперты из Московского государственного лингвистического университета и Московского политехнического университета. Данное пособие можно рекомендовать как преподавателям и студентам вузов, так и представителям сферы средне-специального образования.

В заключение, стоит обратить внимание, что авторское разделение онлайн-сер-

висов по группам позволяет не потеряться в многообразии существующих технических решений. Основной целью обзора были отечественные решения, учитывая текущую международную ситуацию. При работе над указанным пособием использовались наиболее актуальные материалы из последних авторских исследований и проектов, посвященных информатизации образования и науки. В дальнейшем планируется написание пособия по проектированию электронной образовательной среды нового типа.

Литература

1. Авраменко А.П. Искусственный интеллект в преподавании иностранных языков: учебное пособие [электронное издание сетевого распространения] М.: «КДУ», «Добросвет», 2022. — 166 с. — URL: <https://bookonlime.ru/node/44923> — doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1228-0-2022-166
2. Кузнецов А.А. Типология сервисов Веб 2.0 в преподавании РКИ и популяризация русского языка в мире // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29 апреля 2020 г. — Т. 2. — Издательство Российского университета Дружбы народов Москва, 2020. С. 78–88.
3. Можаяева Г.В., Можаяева-Ренья П.И., Сербин В.А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С.73–81.
4. Назаренко А.Л. Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике: дистанционное обучение. — Издательство Московского университета Москва, 2013. 271 с.
5. Титова С.В. Мобильная среда для обучения иностранным языкам. М.: Эдитус Москва, 2019. 282 с.
6. Шапинская Е.Н., Лисенкова А.А. Гуманитарное образование в цифровую эпоху: трансформация или кризис? // Культурный код. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-obrazovanie-v-tsifrovuyu-epohu-transformatsiya-ili-krizis> (дата обращения: 13.06.2022)

The manual “Online services in the humanitarian sphere and scientific activity”: relevance, goals, objectives, structure

Kuznetsov Andrey Andreevich,
 Moscow State Linguistic University
E-mail: Andrey-kuznecov-1992@mail.ru

The work is an overview of the author’s manual aimed at improving the digital literacy of higher school teachers and their students. The relevance of this manual matured at the beginning of 2020 in connection with the international pandemic, when the higher school urgently switched to a remote format of interaction. The appearance of the proposed manual will facilitate the pedagogical activity of teachers using digital solutions. The article describes: the target audience, the structure of the manual and the scope of application of this teaching aid.

Key words: manual, digitalization, ICT, goals, structure.

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-4-50-56

Виталий Иванович Кодухов: служение Русскому миру

Л.Н. Панько,

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: predlog54@mail.ru

Описан вклад лингвиста В.И. Кодухова и его роль в становлении русистики в Санкт-Петербургском государственном университете. Проведен обзор в области основных научных направлений интрасики. Термин «интрасика» был предложен В.И. Кодуховым для определения науки, в которой дифференциальность и интегральность являются релевантным условием становления языковой системы в ее динамике. Показан масштаб личности ученого в его служении Русскому миру и развитию русского филологического знания.

Ключевые слова: Кодухов В.И., русистика, термин «интрасика», музей П.П. Ершова в Ишиме.

Виталий Иванович Кодухов:

год рождения — 1919;

год гибели — 1996.

«Для нас, преподавателей факультета русского языка как иностранного Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, профессор Виталий Иванович Кодухов — это целая эпоха, значимая веха на нашем научном, педагогическом и жизненном пути».

В.М. Мокиенко, славист, профессор СПбГУ

В юбилейный год 70-летия преподавания русского языка как иностранного в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете важно оглянуться на пройденный путь и вспомнить об ученых, которые во многом определили становление русистики не только в стенах петербургского университета, но и в России. Речь пойдет о профессоре, докторе филологических наук Виталии Ивановиче Кодухове, исследовательский интерес которого к новому направлению в языкознании — русский язык как иностранный — органично вырос из научных приоритетов ученого: теории и истории языкознания, сравнительного изучения восточнославянских языков и методов

лингвистического исследования, лексики и синтаксиса русского языка в его социолингвистическом преломлении, методики преподавания русского языка как неродного и как иностранного.

Он принадлежал к тому поколению мужчин, рожденных в 1918–1922 годах, чьи жизни встали непреодолимым щитом на пути гитлеровского нацизма, вознамерившегося поработить русский мир. Это было особенное поколение и особенные люди. Победу встретили живыми лишь около 4% из них. И каждый в своей профессии жил и работал за ровесников, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной.

В канун надвигающейся войны с фашизмом, двадцатидвухлетний выпускник

кафедры словесности Виталий Кодухов пишет стихотворение «Язык», в котором есть такие строки:

«...Язык — всех веков соглядатай
И знаний бездонных родник.
Кто к тайне язычьей приник —
Насытится мыслью и датой.
...Кто хочет быть нежным, как ласка,
Кто хочет быть острым, как штык,
Запомни, что есть уж от века:
Учитель и друг человеку
Наш гибкий могучий язык».

(1941 г.)

В 1941 году В.И. Кодухов закончил Казанский педагогический институт и был распределён в Петропавловскую среднюю школу в Татарстане, где начал работать учителем русского языка и литературы, а вскоре — завучем и директором школы.

В конце 1942 года учитель русского языка и литературы Виталий Кодухов был мобилизован и направлен на передовую на Калининский фронт в 33-ью отдельную стрелковую бригаду. «...Длинное стрелковое орудие (ПТР — противотанковое ружье) обязывало меня подпускать и подбивать вражьи танки. Болота и мороз. И всё равно я писал стихи. ...Стихи я писал и в окопе, и в землянке, и в казарме», — писал в воспоминаниях о своей фронтовой службе старший лейтенант В. Кодухов [цит. по: Метелёва 2009: 9].

Способность подпустить на расстояние ружейного выстрела вражеский танк, чтобы поразить его, и способность рассказать людям о красоте мира средствами поэтической речи — это было для него явлениями одного порядка. А для нас — свидетельством силы характера и бесстрашия сибиряка-барнаульца Виталия Кодухова.

В 1943 году комсорг военной части старший лейтенант В.И. Кодухов за проявленное в боях мужество был награжден медалью «За боевые заслуги». Два ранения, контузия, госпитали и снова возвращение в строй. Для несения дальнейшей службы старший лейтенант Кодухов был направлен в штаб 1-го Прибалтийского фронта — служба в рядах Красной армии завершилась в победном 1945.

После демобилизации вчерашний фронтовик В.И. Кодухов поступает на

службу в Казанский университет. Пять лет работает в должности старшего преподавателя кафедры общего языкознания и, обозначив для себя проблематику научных задач в русской лингвистике, в 1950 году поступает в аспирантуру Ленинградского педагогического университета имени А.И. Герцена. Начинается плодотворный путь почти 30-тилетнего служения языку в стенах старейшего педагогического вуза России.

В пединституте им. Герцена были написаны и защищены кандидатская (1953 г.) и докторская (1967 г.) диссертации, изданы весомые для отечественной лингвистики труды: «Лексико-семантические группы слов» (1955), «Способы и средства выражения грамматических значений» (1959), «Методы лингвистического анализа» (1963) и «Общее языкознание» (1974 г., переиздание — 2008 г.).

Каждая из перечисленных работ была по-своему «пионерской»: в лингвистике только начинала осмысляться идея системности лексики, только намечались пути и средства изучения языковых явлений с позиций социолингвистики и диалектики отношений «материальное — идеальное». Центральная идея учебника «Общее языкознание» — это отношения «язык и человек»: язык в человеке и человек в языке. Идея, которая не только предвосхитила развитие когнитивного направления русской лингвистики, но и обозначила круг теоретических задач современной русистики.

В 1969 году В.И. Кодухов возглавляет работу отделения факультета повышения квалификации (ФПК) по общему языкознанию (при кафедре русского языка ЛГПИ им. Герцена), куда приглашаются с лекционными курсами ведущие специалисты в области теории языка: Л.В. Бондарко, Т.Г. Винокур, Ю.С. Сорокин, Д.Н. Шмелёв, А.А. Леонтьев и целый ряд

других известных языковедов делятся знанием с коллегами-преподавателями вузов северного региона. ФПК целенаправленно работает с преподавателями вузов севера России и Сибири.

С 1971 по 1978 год В.И. Кодухов руководит созданной при кафедре проблемной группой «Языковое значение», в которую наряду с сотрудниками кафедры родного ему пединститута им. Герцена входят и недавние слушатели ФПК — специалисты педагогических вузов северо-западной зоны России.

Весомым научным результатом этого сотрудничества теоретиков языка и вузовских преподавателей становятся три межвузовских сборника, в названиях которых отражена тематика поднимаемых в них лингвистических проблем: «Языковые единицы и контекст» (1974 г.), «Языковые значения» (1976 г.), «Семантика переходности» (1977 г.).

Фронтоник В.И. Кодухов понимает, что сложные задачи решаются не в одиночку, не в отдельном «окопчике», что важна солидарность соратников, «чувство плеча». В науке, как на линии фронта, для движения вперед необходим единый выверенный вектор развития и слаженных действий. В публикациях сборников, кроме самого В.И. Кодухова, — статьи известных отечественных языковедов: академика И.И. Мещанинова, профессоров Л.Р. Зиндера, С.Д. Кацнельсона, Ю.С. Маслова, Р.Г. Пиотровского, А.В. Бондарко.

В преддверии своего шестидесятилетнего юбилея профессор В.И. Кодухов — состоявшийся и известный в Советском Союзе и за рубежом ученый-исследователь. Он — автор первого отечественного учебника по общему языкознанию, член грамматической комиссии Международного комитета славистов, неоднократный участник международных конгрессов МАПРЯЛ, постоянный автор журналов «Русский язык за рубежом» и «Русский язык в национальной школе». По праву пользуется уважением научного сообщества и признанием коллег по кафедре в пединституте им. Герцена. Впереди, казалось бы, спокойное и размеренное течение сложившегося научного и жизненного пути...

Однако в 1978 году В.И. Кодухов кардинально меняет свой путь: в Ленинградском (ныне — Санкт-Петербургском) государственном университете на основе кафедры русского языка для иностранцев открывается факультет русского языка как иностранного (ФРЯКИ), включивший 5 разнонаправленных кафедр для обучения инофонов, и профессор В.И. Кодухов, не колеблясь, принимает предложение возглавить кафедру русского языка для иностранцев-филологов. И уже в 1978 году, в первый год работы в ЛГУ, он иницирует создание Ленинградского «Городского методического объединения преподавателей Русского языка как иностранного (РКИ)».

Его научный опыт и неотъемлемый дар научного предвидения позволили увидеть и осознать принципиальную новизну и теоретические перспективы в формируемой, казалось бы сугубо прикладной, области языкознания. В.И. Кодухов понимал, что основой русистики является отечественная теория функциональной лингвистики, опирающейся на мощный фундамент лингвистики описательной.

В 1979-ом В.И. Кодухов публикует учебник «Введение в языкознание» (переиздания — 1987 г., 1997 г.), в котором с позиций функциональной лингвистики представлены основополагающие принципы описания языка, определившие пути интегрального подхода к систематизации языкового материала и работу русистов в области теории РКИ. Он видел будущее русистики как особую облигаторную область русской языковой системы. В русистике, по мнению учёного, на практике определяется временная (уровневая) последовательность и объём содержания языковых фактов, что можно рассматривать как релевантные условия и предтечу новых форм описания языка в области

компьютерной лингвистики и «искусственного интеллекта».

В.И. Кодухов убеждает коллег по кафедре в назревшей необходимости аккумуляции наработок в области РКИ. В 1981 году, благодаря своему организаторскому таланту и убежденности в научной правоте, В.И. Кодухов инициирует на факультете русского как иностранного ЛГУ открытие аспирантуры. Одной из значимых задач сотрудников факультета становится подготовка научных кадров в области методики обучения русскому языку как иностранному (13.00.02) и в области теории русского языка как иностранного (10.02.01).

В 1983 году Высшая Аттестационная Комиссия РФ утверждает на факультете Специализированный Совет по защите кандидатских диссертаций по специальностям 10.02.01 и 13.00.02. В течение первых лет работы Совета (1983–1985 гг.) В.И. Кодухов был его бессменным Председателем, формируя высокую планку требований к научным изысканиям в новой области развития отечественного языкознания.

Убежденность В.И. Кодухова в том, что лингвометодика русского языка — это новый этап в познании сущности речевого феномена человека находит свое отражение в работе «Русский язык как иностранный» (1985 г.): «Русистика, как наука, выделила особый научный раздел..., который требует особого способа описания и особой лингвистической теории. При обучении иностранца русскому языку мы должны научить его как *говорящего* (это требует описания от содержания к языковой форме) и как *слушателя* (читателя) — в этом случае он воспринимает и понимает его, т.е. идет от формы к семантике, к содержанию» [Кодухов 1985: 30]. В работе акцентируется внимание на том, что процессы моделирования объекта средствами самого объекта — это практически неизведанная ни в одной из современных наук область пространственно-временных отношений живой и неживой материи.

Для новой области познания В.И. Кодухов предложил термин «**интраросика**». Интраросика, по убеждению ученого, представляет собой самостоятельную научную область, которая опирается как на

теории общего языкознания, психологии, методики обучения, так и на достижения самой русистики. Это — комплексная интегративная наука, включающая методику обучения аспектам языка (фонетике, лексике, синтаксису), с помощью механизмов рецептивной (аудирование-чтение) и продуктивной (говорение-письмо) речевой деятельности обучающего и обучаемого. Другими словами, интраросика представляет собой набор взаимосвязанных компонентов («ремёсел»), между которыми предусмотрена самоорганизация, проявляющаяся в терминах «лингвометодика», «психолингвистика», «языковая картина мира» и др.

По мнению В.И. Кодухова, в теоретическом плане область интраросики обеспечивает возможность обязательных наблюдений релевантных процессов становления языковой системы в границах реального пространства-времени. Для исследователя-русиста сознание инофона выступает пространством подобным «камере Вильсона» при физических экспериментах с электронными частицами: все «треки» поступающих языковых компонентов (от аллофона до текста), маркированы обучающим. Образование унифицированных кластеров языковой системы обеспечивает обязательно наблюдаемые речевые действия инофона.

Важнейшими задачами интраросики, по мнению В.И. Кодухова, должны стать:

а) разработка учения о русском языке как учебном предмете в иностранной аудитории;

б) разработка учения о русском языке как мировом языке.

Если содержание первого положения опиралось на многолетнюю практику, работавших с иностранцами русистов, то второе положение требует, на наш взгляд, некоторого разъяснения, так как включает два принципиально различных по своему содержанию направления.

Первое — это учение о русском языке как об одном из шести официальных языков ООН, т.е. языке международной коммуникации и границах его распространения. Наблюдаемые в современном мире попытки «потеснить» русский язык

до государственных границ современной РФ — это политическая реальность, попытка приуменьшить вклад носителей русского языка в мировую культуру. Сегодня русистика и русисты оказались на переднем крае борьбы идеологий и защиты Русского мира от разрушения, где линией фронта стал сам русский Язык.

Второе направление, по убеждению В.И. Кодухова, — это учение о русском языке как межъязыковой универсалии, обладающей объяснительной силой в осмыслении языка как феномена человека. Очевидно, что само это положение ученого, намного опередившее свое время, содержит в себе потенциал анализа отношений «язык — в человеке» — «человек — в языке» с позиций поэтапных наблюдений за формированием языковой системы в сознании человека как социальной единицы бытия.

Бесспорным продолжением идей и трудов В.И. Кодухова в области русского как иностранного стало развитие пионерских направлений кафедры ЛГУ (СПбГУ). С понятием интаросики так или иначе связаны научные интересы работавших и работающих русистов кафедры русского языка и методики его преподавания:

- становление фонетической системы в русской речи инофонов и облигаторные явления интерференции в речи обучаемых; образование в сознании инофонов «промежуточной» системы языка (отличной от родного и от изучаемого) (Н.А. Любимова);
- описание именных частей речи в аспекте русского как иностранного (Т.А. Иванова);
- развитие теории текста и формы работы с ним в иноязычной аудитории (К.А. Рогова);
- исследования системных явлений русской лексикологии на фоне языковой системы инофона (Е.И. Зиновьева);
- этноориентированные методики обучения русскому как иностранному (Н.Л. Федотова, Л.В. Московкин);
- комплексное лингво-культурологическое образование специалистов-русистов (М.А. Шахматова).

Надо отметить, что в советское время наличие «движения социальных лифтов» в вузах не в последнюю очередь обе-

спечивалось возрастными ограничениями профессорско-преподавательских кадров при заключении конкурсных трудовых договоров. Наиболее значимым и ценным специалистам, достигшим пенсионного возраста (60-ти лет!) предусматривалась должность «профессора-консультанта», которая предполагала минимизацию академической нагрузки и сохраняла перспективу научно-педагогической работы на кафедре.

В 1987 г. такая должность «профессора-консультанта» была предложена шестидесятивосьмилетнему профессору В.И. Кодухову. Однако сам ученый понимал, что его мощной энергии исследователя и его научному потенциалу данная должность не соответствует. И в 1988 году (уже шестидесятидевятилетний) профессор Кодухов оставляет факультет русистики ЛГУ (СПбГУ), чтобы переехать из ведущего ленинградского университета в Сибирь, в расположенный на юге Тюменской области провинциальный город Ишим, в педагогический институт, где ему предложили должность профессора кафедры русского языка.

Город Ишим привлек ученого не случайно. В.И. Кодухов, эрудит и знаток отечественной филологии, помнил, что именно в этом городе жил и работал самобытный автор известной всему русскому миру сказки «Конёк-Горбунок» — П.П. Ершов (1815—1869 гг.).

Впрочем, не стоит исключать и того, что фронтовик и ученый В.И. Кодухов, благодаря своей научной интуиции и таланту исследователя, мог предугадать наступающее для науки лихолетье «святых 90-х». И, следуя предсказанию своего великого предшественника М. Ломоносова о «прорастании мощи России» Сибирью, спешил «укрепить тылы» России знаниями глубинной народной культуры...

Приехавший профессор ленинградского университета стал для Ишима целой эпохой: он, организовав на базе Ишимского пединститута первую Всероссийскую научно-практическую конференцию «Ершов — писатель и педагог», объединил под знаменем автора «Конька-Гор-

бунка» интеллигенцию города и ученых всей страны. По ходатайству В.И. Кодухова Ишимский государственный педагогический институт в 1990 году получил имя П.П. Ершова (стал «именным вузом»). Ученый ставил перед собой дерзновенную по наступившему «времени перемен» задачу: создать на базе Ишимского пединститута новый российский научный центр. Он писал: «Это моя цель: показать, что можно создать даже в такой глухой провинции серьезный научный центр! Надо дать возможность людям поверить в себя, помочь открыть им внутри нереализованный потенциал творца» (цит. по: [Куликова, Салмина 2009: 14]).

В.И. Кодухов добился своей цели — остановил «танки» культурного безвременья и разрушения. В Ишиме открыт и работает музей П.П. Ершова, ставший культурным центром для горожан, детей и туристов, где теперь традиционно проводятся «Ершовские чтения», издаются серийный научный «Ершовский сборник» и детский журнал «Конёк-Горбунок». Утверждена Всероссийская литературная премия им. П.П. Ершова, которой награждаются работающие для детей писатели и поэты.

Идеи В.И. Кодухова легли в основу многих всесоюзных и международных научных конференций, на которые приезжают маститые ученые-филологи не только из Москвы, Санкт-Петербурга и других вузовских городов России, но и из стран «ближнего зарубежья»: Белоруссии и Украины, Армении и Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, в котором рус-

ский язык ранее изучался как неродной, а ныне — как иностранный.

На базе Ишимского пединститута, ставшего филиалом Тюменского государственного университета, регулярно проводятся «Кодуховские чтения» и продолжает работу открытый при В.И. Кодухове и по его инициативе издательский центр.

Заложенные в своё время В.И. Кодуховым (1978–1987 гг.) идеи в работу кафедры русского языка для иностранных филологов ЛГУ (СПбГУ) определили её научные приоритеты: кафедра стала «выпускающей» — готовит русских и иностранных бакалавров, магистров и аспирантов по специальностям 10.02.01 (лингвистика) и 13.00.02 (методика РКИ). Кафедра русского как иностранного и методики его преподавания СПбГУ, как и предвидел В.И. Кодухов, стала подлинно научным центром, работающим во благо развития науки о русском языке и распространении русского языка в непростом современном мире. Предприняты первые научные шаги в развитии понятия «интрососика».

Творческое наследие, включающее публицистические и поэтические произведения В.И. Кодухова, по оценкам исследователей, превышает 400 работ, где научные труды составляют более 250 публикаций.

Имя Виталия Ивановича Кодухова решением Международного библиографического центра Кембриджа (Англия) внесено в число имен 100 наиболее выдающихся лингвистов XX века. В авторитетном Лингвистическом Энциклопедическом словаре в статье «Советское языко-

знание» его имя по праву стоит в одном ряду с именами выдающихся русских лингвистов Р.А. Будагова, С.Д. Кацнельсона, В.М. Солнцева, В.З. Панфилова, Г.В. Колшанского. Имя В.И. Кодухова вписано в «Энциклопедию образования Западной Сибири» (Барнаул, 2003), в «Большую Тюменскую энциклопедию» (Тюмень, 2004), в трехтомную «Славянскую энциклопедию» А.П. Юдакина (Москва, 2005).

Службу В.И. Кодухова Русскому миру оборвала трагическая случайность. В Страстную пятницу 1996 года он торо-

пился на встречу со своей аспиранткой (ныне — доктором филологических наук) И.С. Карбулатовой. Пьяный водитель на высокой скорости заехал на тротуар около магазина, из которого вышел профессор и ... жизнь выдающегося ученого оборвалась.

Тот скорбный день стал для маленького Ишима днём светлой памяти о человеке, который вернул в город символ стойкости, дружбы, бесстрашия и русской смекалки — Иванушку с его волшебным Коньком-Горбунком.

Литература

1. Андрамонова Н.А. Профессор Кодухов как представитель Казанской лингвистической школы // I Кодуховские чтения: межвузовский сборник научных и научно-методических статей. Ишим, 2009. С. 84–89.
2. Карбулатова И.С. Провидческий дар В.И. Кодухова в решении проблем этноязыковой политики: воспоминания о разговорах с Учителем. [Электронный ресурс] <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/571675>.
3. Кодухов В.И. Русский язык как иностранный. Л., ЛГУ, 1985. 63 с.
4. Куликова И.С., Салмина Д.В. Виталий Иванович Кодухов. К 90-летию со дня рождения // Вестник Герценовского университета. 2009. № 11 (73). С. 49–52.
5. Метелёва Н.К. Памяти учителя и коллеги // I Кодуховские чтения: межвузовский сборник научных и научно-методических статей. Ишим, 2009. С. 9–16.
6. Мокиенко В.М., Юрков Е.Е., Шахматова М.А., Вознесенская И.М. В.И. Кодухов в Ленинградском / Санкт-Петербургском государственном университете // I Кодуховские чтения: межвузовский сборник научных и научно-методических статей. Ишим, 2009. С. 212–219.
7. Память о В.И. Кодухове в Ишиме [Электронный ресурс] <http://safe-rgs.ru/1363-ramyat-o-vi-koduhove-v-ishime.html>.
8. Пузырёв А.В. Виталий Иванович Кодухов: история трёх встреч [Электронный ресурс] <http://puzyrev-a-v.ru/?q=blog/виталий-иванович-кодухов-к-100-летию-со-дня-рождения>
9. Язык и мышление: Психологические и методические аспекты // Материалы XIX -й Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Кодухова (г. Покров, 15–17 мая 2019 г.) [Электронный ресурс] <https://www.books.ru/books/yazyk-i-myshlenie-psikhologicheskie-i-lingvisticheskie-aspekty-materialy-xix-mezhdunarodnoi-nauchnoi-konferentsii-posvyashchennoi-100-letiyu-so-dnya-rozheniya-v-i-kodukhova-g-pokrov-1517-maya-2019-g-5138529/>

Service to the Russian world

Panko Lyudmila Nikolaevna,
St. Petersburg State University
E-mail: predlog54@mail.ru

The article reveals the contribution of the linguist V.I. Kodukhov and his role in the formation of Russian studies at St. Petersburg State University. This review was conducted within the main ideas of intrarosics. The term “intrarosics” was proposed by V.I. Kodukhov to define a science in which differentiality and integrality are viewed as a relevant condition of the formation of a language system in its dynamics. The author attempts to scale of the scientist’s personality in his service to the Russian world and the development of Russian philological knowledge.

Key words: Kodukhov V.I., seventieth anniversary of teaching Russian as a Foreign Language at St. Petersburg State University, intrarosica, Kazan — St. Petersburg — Ishim.